

The poster features a man in a futuristic space suit, Alexander Kurzanov, standing in the center. He is holding a helmet in his right hand and a handgun in his left. Behind him, two other figures in similar suits are visible, one on the left and one on the right. The background shows a large, reddish planet or moon in the sky, with a blue and white planet (Earth) visible in the distance. The scene is set inside a space station or shuttle. At the top, there is a decorative banner with the text 'НАШИ ТАМ' (Our There) in Cyrillic. Below it, the text 'Я ВЕРНУСЬ' (I will return) is written. At the bottom, the name 'АЛЕКСАНДР КУРЗАНЦЕВ' (Alexander Kurzanov) is written in white, and the title 'КОНТРАЗАЩИТА' (Kontrazashita) is written in large yellow letters.

НАШИ • ТАМ

Я ВЕРНУСЬ

АЛЕКСАНДР
КУРЗАНЦЕВ
КОНТРАЗАЩИТА

Наши там (Центрполиграф)

Александр Курзанцев

Контрзащита

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Курзанцев А. О.

Контрзащита / А. О. Курзанцев — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-9524-5342-5

Что делать, если игра перестала быть игрой, а ты сам очутился в шкуре цифрового персонажа? Но только вокруг реальность лишенная условностей компьютерной поделки. И раны – это твои раны, а смерть окончательна. Как повести себя, очутившись на самом острие атаки, вступив в бой с силой способной уничтожить всю развитую галактику? Только так, как велит сердце и офицерский долг – служить и защищать!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-9524-5342-5

© Курзанцев А. О., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Курзанцев

Контрзащита

*Моим учителям и командирам: подполковнику Шатову,
подполковнику Жуйкову, подполковнику Калашиникову, полковнику
Лебедю, полковнику Панову, полковнику Василькову*

Пролог

Человечество к середине двадцать четвёртого столетия на политической карте мира так и не стало единым, как на это надеялись фантасты века двадцатого. Правда, ушла лоскутная пестрота, мир постепенно превратился в три глобальных политических образования: Американо-Австралийскую Конфедерацию – ААК, Российско-Европейский Союз – РЕС и Паназитское Содружество – ПАС. Но остались и конфликты, и пресловутая «холодная» война, хотя так и не перешедшая границу горячей. Реальность полного взаимного уничтожения остужала излишне авантюрные головы.

Морские флоты постепенно были вытеснены космическими, сначала внутрисистемными, а затем, с изобретением сверхсветового двигателя, ССД, и межзвёздными. Пусть они были не слишком совершенны и позволяли за один прыжок преодолевать лишь несколько световых лет, но это открыло перед землянами ближайшие звёзды.

А затем была обнаружена первая пространственная аномалия – «кротовая нора», «червоточина», как только её не называли, проникнув в которую первые, ещё автономные, без живых исследователей зонды вдруг оказались не за десятки, а сразу за сотни, а то и тысячи световых лет. Галактика открыла перед людьми свои двери.

Вот только первая же найденная пригодная для жизни планета чуть не стала яблоком раздора для трёх земных государств, и чем кончилось бы всё усиливающееся противостояние, никто не смог бы сказать, если бы в один прекрасный момент земляне не столкнулись нос к носу с тем, что в Галактике, оказывается, существует далеко не один разумный вид существ.

Катри, майлары и квийлаты – так называли себя инопланетные существа, которые намного раньше людей вышли в космос и освоили систему порталов. Гораздо более продвинутое технически, они создали Совет, который регулировал взаимоотношения первоначально между своими тремя расами, а затем и другими, менее развитыми, но освоившими межзвёздное перемещение.

Местом дислокации Совета Трёх стала древняя циклопическая космическая станция – почти искусственная планета, которую называли Нулевой Мир и которая стала всеобщей дипломатической и торговой площадкой...

Что для контактов с так внезапно обнаруженными братьями по разуму нужна какая-то единая структура, руководство земных государств поняло сразу, и пусть не с ходу, но такая надструктура была создана, и название Земной Альянс отныне стало общим для всего человечества.

Было создано отдельное правительство, отдельные вооружённые силы, в равной пропорции сформированные из сил трёх участников Альянса, и единое дипломатическое представительство на Нулевом Море.

Фантасты могли быть довольны: пусть так, но великое объединение человечества практически произошло.

Глава 1

ТКР проекта 1711-А «Новосибирск»

В КС Земного Альянса

Орбита планеты Новая Земля

Внутрисистемные крейсера Российско-Европейского Союза проекта 1711 были трёхсотметровыми, слегка сплюснутыми бочонками, сделанными по общей для всех земных кораблей того периода схеме, когда отсеки сооружали вокруг орудия главного калибра, огромной рельсовой пушки с мощностью залпа в пару килотонн, и термоядерной силовой установки, тем самым заключая наиболее важные для боеспособности корабля системы в оболочку из нескольких кольцевых палуб. С созданием же ГГВ (генератора гравитационных волн) в качестве новой, более мощной и безопасной для экипажа и корабля силовой установки, а также новых орудий под них, оборудованных гравитационным ускорителем-компенсатором и выдававших сходную мощность залпа при значительно меньших габаритах, этот тип крейсеров морально и физически устарел, но после переоборудования и модернизации по проекту 1711-А, дополнительно получив порталную прыжковую систему, хоть и не мог уже нести полноценную боевую службу, но в качестве учебно-боевых кораблей как нельзя лучше подошёл Земному Альянсу, став тренировочной площадкой для тысяч курсантов как лётных, так и десантных училищ.

Вот на одном из таких, крейсере «Новосибирск», мне и пришлось взять под начало роту курсантов РГВДУ (Рязанского гвардейского высшего десантного училища) на время реабилитации после тяжёлого ранения. Мне – это майору космодесанта В КС Земного Альянса Владиславу Комарову, командиру группы специальной разведки флота.

А ведь каких-то полгода назад меня звали вовсе не Владиславом, да и не Комаровым, а был я Павел Кореев, двадцативосьмилетний офицер регионального управления ФСБ из самого начала двадцать первого века. Потом – трах-ба-бах, как в том фильме: упал, очнулся... и вот я уже тридцатидвухлетний майор космодесанта так называемого русского флота ВКС Альянса середины двадцать четвёртого столетия. Правда, на больничной койке с повреждениями, в моей прошлой жизни однозначно несовместимыми с жизнью. Здесь, однако, медицина вполне уверенно ставила меня на ноги, обещая полное исцеление в течение года.

Куда подевалась прошлая личность доставшегося мне тела, я не знаю. Может, не выдержала физических испытаний. Может, в какой-то момент майор действительно умер, а моё сознание просто заняло пустующее место... В эзотерике и реинкарнации, честно говоря, я был не силен. Но факт оставался фактом: воспоминания, всплывающие во мне под действием каких-то внешних раздражителей, да занятая моторика тела, явно тоже принадлежащая тому Владиславу, – вот и всё, что досталось мне в наследство.

Глядя на окружающую меня обстановку, я словно вспоминал давно забытое. Это сложно описать словами, но, впервые коснувшись коммуникатора двадцать четвёртого века, мои руки уверенно и совершенно независимо от сознания включили его, а пароль тихонько проговорили губы, вторя быстро пробежавшим по виртуальной клавиатуре пальцам. Это было донельзя странно, но вместе с тем как-то совершенно естественно.

Последствия полученных травм были достаточно серьёзны, детали произошедшего так мне были и недоступны, только из разговоров навещавших меня лиц я понял, что это была одна из тех боевых задач, о которых говорят: «Умри, но сделай, сделай, но умри», однако врачи давали оптимистичные прогнозы на реабилитацию, и меня не списали, как сказали бы моряки, на берег, а только временно перевели во 2-ю учебно-боевую флотилию флота с перспективой последующего возврата к своим прямым обязанностям.

А там я с ходу попал в дальний учебный поход, только и успев ознакомиться со своими обязанностями куратора разношёрстной толпы курсантов третьего курса успешно существующего уже четырёста пятьдесят лет рязанского училища, почти не изменившегося за все эти годы, единственно переставшего быть воздушным.

Глядя на них, я «вспоминал» годы, проведённые Владиславом в стенах РГВДУ, и нет-нет, да и вспоминал своих командиров, окончивших РВВДКУ в той, прошлой жизни, и свои два года срочной службы в «войсках дяди Васи». Можно было и мне после срочки поступить в училище, благо отцы-командиры обещали поспособствовать, но меня потянуло на другую стезю. К добру ли, к худу, что теперь гадать.

Погрузившись на крейсер, мы вышли в трёхмесячный поход к первой открытой людьми планете идеального земного типа и старейшей колонии человечества – Новой Земле. Поход был в новинку не только курсантам, но и мне, но спасала память Комарова, судя по воспоминаниям, не раз участвовавшего в таковых как курсантом, так и офицером.

Резко взявшая меня в оборот действительность не дала толком даже оглянуться, втягивая в заполненную новыми для меня и вполне обыденными для Владислава событиями, и оставшаяся в далёком прошлом Земля двадцать первого века начала потихоньку тускнеть, отходя на задний план, и лишь вечерами порой накатывала тягучая, с привкусом горечи тоска по родным, навсегда оставшимся там.

Двигаясь по опустевшим с прибытием к планете коридорам корабля, экипаж которого, кроме дежурной смены, был в увольнительной на Земле, я с лёгким раздражением помянул курсанта с польскими корнями Генриха Жолондзевского, из-за которого не смог с другими спуститься на планету.

Оный курсант отличался прямо-таки неуёмной страстью к приключениям на свою голову, после чего награждался закономерными нарядами вне очереди, и перед самой увольнительной умудрился нарваться на командира крейсера капитана первого ранга Кернея О'Киффа, который был товарищем весьма суровым. Вот благодаря этой суровости он и припряг курсанта на хозработы и меня к нему в придачу – бдить и погонять.

– Влад, – под шипение разъехавшихся створок задержал меня негромкий голос, и я, оставившись и чуть кивнув, протянул руку появившемуся в проходе парню чуть младше меня прошлого, в лёгком обтягивающем комбезе военного образца.

– Здравствуй, Габриэль.

Старший лейтенант пси-корпуса Габриэль Герра был человеком спокойным и малоэмоциональным. Как, впрочем, и многие другие адепты пси. Это такой зверь, такое недоразумение, которое может, аки джедай, силой мысли, а в нашем случае некоей пси-силой раскидывать противников без помощи рук. Есть в Галактике виды существ, поголовно являющиеся сильными псиониками, например катри, а вот у людей развить редкий сам по себе дар «без костылей» весьма проблематично, вот и вживляют детям с зачатками псионики усиливающие импланты прямо в мозг. Но ничего хорошего, на мой взгляд, наличие куска металла в башке не давало. Тот же старлей был завсегдатаем медотсека, так как устаревший имплант второго поколения временами глючит, и регулярная головная боль – это самая малая из проблем.

К слову, псиоников, которым ставили импланты первого поколения и которые всего на двадцать лет старше Габриэля, уже никого нет в живых, а сколько протянет сам старлей, не скажет и наука, слишком мало статистики и слишком недавно человечество вступило на путь изучения этой новой грани знаний.

Герра был на крейсере единственным псиоником и редко когда спускался на поверхность планет, предпочитая без особой необходимости не удаляться от медиков флота. И это при том, что по всем штатным нормативам находиться на корабле, даже учебном, должен был не один псионик, а полноценная пси-группа и минимум рота со средствами усиления. У нас же числилась всего одна БМД, хотя и последнего поколения, которая служила больше учебным

пособием курсантам, чем реально боевой единицей. У неё не было не то что штатного экипажа, а даже и мехвода.

Вообще, десантом укомплектовывались все боевые корабли Альянса. В зависимости от класса на них могло находиться до усиленного батальона десанта и до трёх рот БМД различных типов как средств доставки и поддержки, оснащённых разными видами вооружения, но штатно – 120-мм орудием.

Не знаю, как у наших до сих пор остающихся заклятыми «друзьями» коллег из Американо-Австралийской Конфедерации и Паназиатского Содружества, на их кораблях, составивших оставшиеся две трети космических сил Земного Альянса, я не был, а память Владислава молчала, но фрегаты Российско-Европейского Союза, чаще используемые в качестве кораблей дальней разведки, на которых немало пришлось походить Комарову, укомплектовывались взводом десанта, усиленным расчётами УРО, и группой войсковой разведки. Как средства доставки к нему шли два БМП-17П «Пустыня» и три десантных дропшипа типа МИ-20Д, ласково прозванные в войсках «Утюгом».

Правда, в серию был пущен абсолютно новый проект корабля дальней космической зоны – корвет с более совершенной системой маскировки, предназначенной для одиночных глубинных разведывательных рейдов, и его технические данные с жёсткими габаритами и ограниченным внутренним пространством потребовали серьёзного пересмотра наличия на борту боевых сил и средств.

Почему я это знаю? Да потому, что незадолго до ранения бывший хозяин этого тела был со своего рода экскурсией на головном корабле серии, и воспоминания об этом всплыли в моей памяти буквально на второй-третий день после прихода в сознание.

Изменения коснулись бортового вооружения: оставив без изменений систему ПРО, комплекс лазерного огня «Бастион», сократили количество орудийных батарей корабельных ускорителей с трёх до одной, правда вооружив спаркой ускорителей промежуточного класса, так что удельный вес залпа почти не поменялся, а поражающая способность только выросла, и убрали обе пусковые ракето-торпеды «Аметист», которые просто не вписывались в новый корпус. Кардинально пересмотрели и состав десантной группы: уменьшив её численность до одного отделения из-за жёстких ограничений к жилому пространству. Также сменили общевойсковой состав на группу специальной разведки флота.

Однако затык произошёл при укомплектовании средств доставки. Ладно дропшип сообразили на подъёмнике убирать под потолок ангара, но как ни крутили «Пустыню», она решительно отказывалась хоть как-то вписываться во внутренний объём корабля. В итоге выдали техзадание на проектирование новой БМД, чьи габаритно-весовые характеристики позволили бы разместить её на корвете.

Вот тогда и наступил звёздный час Уральского танкового завода в Нижнем Тагиле. До ГАУ ВКС Союза смогли наконец достучаться оружейники, давно доказывающие, что «Пустыня» с более чем тридцатилетней историей использования технически устарела. Они обоснованно указывали на перетяжелённость конструкции, слабую способность листовой брони держать выстрел орудийного ускорителя, низкую манёвренность и слабую проходимость, а также невозможность десантирования с воздуха. Представленный на суд комиссии проект пятилетней давности почти идеально подошёл под выданное техзадание. Вес новой БМД кардинально уменьшили за счёт ГГВ и тотального уменьшения толщины брони, которую компенсировали установкой эффекторов силового щита «Сфера-2ТК». Снижение веса позволило применить совершенно новый тип подвески, что вкупе с интегрированной системой десантирования «Реактавр» позволяло сбрасывать БМД с низкой орбиты с экипажем внутри!

Так родился БМД-35 «Циркон». Экипаж боевой машины ограничили тремя членами, объём десантного отделения «похудел» с семи до трёх мест, однако жертвы эти были не напрасны. Взамен флот получил машину, которая в прямом смысле валилась противнику на

голову и с ходу начинала вести огонь. Вооружённый новым 132-мм орудийным ускорителем, «Циркон» в полтора раза перекрывал по мощности «Пустыню». Силовой щит выдерживал неоднократные попадания тяжёлого пехотного оружия и один выстрел орудия корабельного калибра третьего класса. Скорость, манёвренность, всё было на высоте. Практически идеальная разведывательно-диверсионная машина, которая в большую серию пойдёт ещё не скоро. Хорошо ещё, на учебные пособия флот не скупился, буквально перед выходом нам загрузили именно эту БМД, причём, в связи с отсутствием готовых тренажёров, доставили серийную, прямо с конвейера, и с третьей боекомплект в придачу.

Вместе с Габриэлем, который, больше ни слова не сказав, увязался за мной, была у него такая привычка, я спустился на ангарную палубу, где курсант Жолондзевский с присущим молодости задором, с песней драил ультразвуковой шваброй холодный металл. Завидев нас, он тут же принял строевую стойку и громко отрапортовал:

– Та-щ майор, курсант...

– Не кричи, – махнул я рукой, заставляя Генриха умолкнуть.

Глянул на чуть поморщившегося Герру, которому звонкий голос курсанта отзывался не иначе как головной болью.

Огромный ангар был почти пуст. Два дежурных «Утюга» в углу да пятёрка пустотных истребителей, служивших учебным пособием курсантам Качи – Качинского высшего авиационного училища. Прикрытое на моей памяти чуть ли не в конце девяностых, здесь оно вполне здравствовало, готовя пилотов истребительной и штурмовой авиации. У одной из графитово-чёрных машин с зализанными и хищными обводами кто-то копошился, видать ещё один залётчик, но меня он не интересовал.

– Много тебе ещё?

– Никак нет, – на полтона ниже ответил Жолондзевский, покосившись на старлея, с задумчивым видом уставившегося куда-то в сторону.

– Хорошо, – хищно улыбнулся я. – На камбузе как раз три мешка картошки ждут, чтобы их почистили.

Не ожидавший такой подставы курсант аж приоткрыл рот. А когда осмыслил сказанное, то возопил:

– Но ведь там всё автомат чистит, товарищ командир!

– А я специально для тебя приготовил.

Три с половиной века технического прогресса не прошли даром: современное поколение привыкло жить в окружении умной техники, отвыкнув от такой простой вещи, как уборка и другие хозработы вручную. А вот я припомнил опыт своей армии, не избалованной полной автоматизацией, и если энтузиазм из Жолондзевского на первых порах ещё выпирал, то, когда я вручал ему самодельную швабру с варварски отодранной от робота-уборщика щёткой, лихое выражение на лице он уже вымучивал. Чистка же корнеплодов и вовсе должна была окончательно убить всю жажду приключений, хотя бы на время, и я надеялся на пару недель спокойствия и тишины.

Вот только всем этим планам не суждено было сбыться. Сбоку послышался полузадушенный хрип, и, мгновенно развернувшись, я успел подхватить оседающее на пол тело Габриэля. Подняв на меня глаза, расширенные зрачки которых смотрели куда-то мимо, он прохрипел:

– Приближается, что-то приближается...

Тут из его носа обильно, в два ручья хлынула кровь, а старлей, казалось, потерял сознание. Но нет, хрип, ещё более страшный, чем предыдущие, раздался снова, и, схватив меня за ткань комбеза, Герра уже осмысленным взглядом пробежавшись по нам и по окружающей обстановке, практически скомандовал:

– Влад, боевая тревога, если что, говори: я приказал!

– Курсант! – рявкнул я, и Генрих тут же подхватил всё ещё безвольное тело псионика.

Бегом бросившись к интеркому на стене, я в два нажатия вызвал мостик. На наше счастье, ответил мне не дежурный пилот, а сам О'Кифф, которому хватило буквально нескольких слов, чтобы по кораблю судорогой пронеслась дрожь сигнальных баззеров с тревожно-красной световой сигнализацией.

– Боевая тревога! Корабль к бою...

Но страшный удар, словно гигантским молотом впечатавшись в корабль, заставил его содрогнуться до самого основания. На секунду отключились даже эффекторы искусственной гравитации, а ангар погрузился в мерцание аварийного освещения.

Не зная, не видя, что творится снаружи, толком не понимая, кто же на нас напал и каковы повреждения, я не нашёл выхода лучше, чем, подхватив псионика, вдвоём с курсантом дотащить его до дропшипа и, пристегнув в кресле, спешно пробраться в кабину и уже оттуда снова вызывать мостик.

– Майор! – рывкнул мне каперанг, бросив буквально один взгляд на экран. – Убирайся с корабля, живо! – Отвлёкся, прорывчав по корабельной связи: – Всему экипажу эвакуация! – Снова обернулся ко мне: – Майор, ты ещё здесь?!

– Здесь. Кто они?

Что на нас напали, догадаться большого ума не было нужно, но одно сверлило мне мозг: что за враг решил атаковать колонию человечества.

– Не знаю! Ни сигнатуры, ни визуальная картинка не идентифицированы, – поборов искушение просто меня послать, ответил Керней.

В этот момент взволнованный голос на мостике прокричал:

– Заряд полный!

И вслед за этим тут же последовало короткое рубящее О'Киффа:

– Огонь!

Волну излучения от сработавшего гигантского рельсотрона мы почувствовали даже за бронёй десантного челнока, что лёгким покалыванием пробежала по коже, подняв дыбом волосы. Крейсер всё же сумел ударить в ответ главным калибром, доказав, что у старого волка ещё есть клыки. Вот только второго выстрела ему совершить не дали: странно пульсирующий ярко-красный луч буквально взрезал обшивку ангара, словно ножом сквозь масло пройдя через бронеплиты лёгкого и прочного корпусов.

А затем в образовавшуюся дыру я увидел поверхность планеты в разрывах облаков и, больше не раздумывая, одним движением сорвал дропшип с палубы, бросая туда, вперёд, включёнными на полную импульсными движками машину.

Приземление вышло не самым удачным. Всё-таки я знал лишь общие принципы управления, максимум которых включал в себя только знание, на какую, образно говоря, кнопку автопилота в случае чего жать. Я от греха подальше выбрал программу спуска «Десантирование в условиях зенитного противодействия», и весь остальной полёт мучался подкатывающей к горлу тошнотой от закладывающего противоракетные манёвры дропшипа.

Ситуацию обостряло то, что совсем недалеко, в нескольких десятках километров от нас, на посадку заходили странные, совершенно чужеродные аппараты размером с наш фрегат, а следом – не меньше крейсера, а то и размером с линкор ещё одна совершенно нечеловеческих форм махина, одним своим видом пробуждавшая мрачные фантазии о злобных инопланетянах.

Известный человечеству космос делили с десятком выбравшихся за пределы своей планеты видов существ, но ни один их корабль и близко не походил на виденное мной. Новый, доселе неизвестный вид? Да ещё и изначально враждебно настроенный? Это было плохо, очень плохо.

Рекогносцировка на местности настроение не улучшила. В той стороне аккурат находился местный аэропорт, и захват противником стратегического узла инфраструктуры навёл на нехорошие мысли.

Что должен был делать я, как офицер спецназа, в условиях отрыва от основных сил? Ну уж точно не сидеть сложа руки, глядя, как в колонии хозяйничают чужаки. Всё во мне восставало против бездействия.

Использовать все имеющиеся возможности для разведки и оценки сил захватчиков? В идеале – да, заодно постаравшись установить связь с подразделениями планетарной обороны для координации и организации противодействия.

Однако, как я уже упоминал, вместо слаженной диверсионной группы, у меня на борту было два больших недоразумения. И взять спецов было по сути неоткуда.

Вообще весь этот поход, пусть даже и учебный, без штатной десантной группы был за гранью добра и зла. Слишком уж расслабились ответственные лица. К тому же ни одного псионика. Плюнув на субординацию, я тогда потребовал приказ в бумажном виде на выход в поход в нарушение устава без десантной группы. Это чуть пронило тыловых крыс, и они мне записнули находившегося на базе Габриэля, на тот момент из-за сбоя в работе импланта отстранённого от выхода со своим экипажем. После чего отписались, что группа частично укомплектована, сославшись на пункт устава, который гласил, что в исключительном случае допускается частичный недокомплект.

Я-то в курсе, что данный пункт касается, вообще-то, кораблей, участвующих в боевых действиях, где ввиду потерь в личном составе и обстановки на конкретном ТВД бывает невозможно полностью доукомплектовать подразделение, и тогда в поход идут с тем, что есть. Однако не бунт же мне поднимать. Мысленно пообещав по возвращении набить морду тому полковнику из штаба, который нас так подставил, я схоронил приказ понадежнее.

Как в воду глядел. Теперь остаётся только добраться до своих, а там уж достану и покажу кому следует, то-то трибунал обрадуется. Вот только сейчас от этого не легче.

Что ж, остаётся смириться, что слаженную группу диверсов мне не видать, и попытаться слепить из Герры и Жолондзевского хоть какое-то её подобие.

Перейдя в десантный отсек к уже оклемавшемуся псионнику и прилипшему к бортовому иллюминатору курсанту, я довёл им обстановку и первичные вводные на дальнейшие действия. Габриэлю уделял внимания меньше, он поопытней, да и жизнь его была: стоит молча, не суетится, прекрасно знает, что он не боец первой линии, его основная задача – поддержка. А вот Генрих перед высадкой вёл себя совершенно безобразно, как несмышлёный щенок, только что хвостом не вилял, пришлось рывкнуть:

– Курсант Жолондзевский, смирно! Смирно, я сказал! По команде «смирно» военнослужащий должен принять строевую стойку и не шевелиться!

Выпучив глаза, тот застыл оловянным солдатиком. А я для пущей убедительности поднёс к его носу кулак, который в броневой перчатке смотрелся внушительно, особенно вблизи, и постарался сказать как можно более веско:

– Там. Сейчас. Идёт бой. В районе аэропорта наши войска, скорее всего, уничтожены, и надежды на поддержку нет. Значит, двигаться придётся по территории, занятой противником. Как Устав предписывает осуществлять передвижение в этом случае?

– Максимально скрытно!

– Правильно. А ещё он предписывает проводить тщательную разведку местности, особенно по предполагаемому маршруту движения! И никаких забегов с винтовкой наперевес! Понял меня?!

– Так точно!

Парня вроде пронило, я увидел, как дебильно-весёлое выражение сползает с его лица. Успокоившись, обратился к обоим:

– А теперь ещё раз по порядку движения. Я иду первым, следом Жолондзевский, Герра замыкающий. Идёте за мной след в след, я остановился – вы остановились. Генрих, осматриваешь левую сторону, Габриэль – правую. Без разрешения говорить запрещаю, условные знаки вам известны! Снаряжение подогнали? Попрыгали!

Десантные дропперы всегда имеют определённое количество запасных комплектов брони и оружия, на экстренный случай, и мы, быстро облачившись в почти полноценные бронескафандры, способные защитить от любых отравляющих веществ и ядов и оснащённые полностью автономной системой дыхания, занялись оружием.

Вот что мне нравится в этой броне, так это продуманные крепления под оружие, всё надёжно крепится и легко снимается, и самое главное – не брякает друг о друга. Я выбрал снайперскую винтовку и пистолет. В той жизни я отслужил срочную снайпером в разведроте, четыре раза заносило на Кавказ, пришлось слегка повоевать. Даже как-то просился поучаствовать в охоте на снайпера, который не давал житья блокпосту, однако комбат не разрешил. Может, и правильно, что я там – пацан двадцати лет, на одном азарте и энтузиазме, а комбату, что случись, на меня похоронку отправлять, а он мужик правильный был, за солдат душа болела, да и были там поматёрей меня охотники – спецы из конторы глубокого бурения.

Жолондзевский-то по будущему ВУС командир взвода десанта, а значит, товарищ всеядный и автомат ТК-55М2 был ему в самый раз. А Герра, как ходячее не пойми что поддержки, прилично стрелял только из пистолета – доводилось в тире пересекаться. Впрочем, его сила была не в этом.

Проверял я их не зря, и сейчас уже ничто не брэнчало, не стучало, броня была подогнана, все крепления надёжно защёлкнуты, даже шейные пояски, соединяющие шлем с кирасой. За это Жолондзевский, как и, будем честны, большинство курсантов, был бит ещё в первое практическое занятие. Есть такое досужее мнение, что при нормальной атмосфере шлем сцеплять пояском нет особой необходимости, якобы это обеспечивает большую подвижность, то есть башкой вертеть свободнее можно. Всю пагубность этого я показал на самом курсанте. Простым приёмом съёма часового. Воспользовавшись тем, что Жолондзевский отвлёкся, я подбежал сзади, пнул его под коленку, и, когда тело рефлекторно запрокинулось назад, одним движением развернувшись, подсел, подставляя под голову плечо и заведя ладонь под подбородок запрокинутой головы, чуть привстал, заставляя курсанта встать на цыпочки. Отпустил.

– Ну что, понял? Жёсткая сцепка не даст тебе шею сломать, а поясик и от удушения, и от гарроты спасёт.

Жолондзевский понял. И теперь был экипирован исключительно по уставу. А что устав не для задрочки и задрючки нерадивых солдат – это я тоже с самого начала вбивал ему в голову. Устав написан кровью, особенно Боевой устав и Устав караульной службы. Его соблюдение – лишний шанс выжить и сохранить подразделение...

Приземлились мы на проплешины в низине и, стараясь не шуметь, стали пробираться по поросшему лесом склону. Наша броня всем хороша: практически не даёт теплового излучения, использует мимикрирующий камуфляж, подстраивающийся под окружающую цветовую гамму, всячески гася нашу заметность, но, к сожалению, звук шагов и человеческую речь она скрыть не в состоянии.

Увидев просвет между деревьев, я жестом остановил куцую группу и ползком подобрался к крайним деревьям, оглядывая окрестности.

Мы вышли на край небольшого обрыва, открывавшего вид на какой-то посёлок с прямоугольными передвижными вагончиками, хаотичными группками расположившимися примерно в километре. От некоторых вился чёрный дым.

«А вот и противник», – мысленно отметил я, засекая движение левее, в ложбине на границе леса, где в воздухе зависли источающие под собой марево машины, походившие на индустриальные десантные системы, но такие, будто чужаки были карликами. Мне они напомнили

наши автономные боевые дроиды. Инженеров-операторов автоматизированных боевых систем у нас тоже готовили, вот только ни в штатной обслуге крейсера, ни среди курсантов таковых мне обнаружить не удалось. Ещё один минус. Разведка малозаметными дронами была бы сейчас к стати.

Оглянувшись, я, жестом показав передвигаться ползком, подозвал группу к себе. Расположение у нас было достаточно удачное, мы находились чуть выше и с удалением до двухсот метров. Жолондзевский залёг от меня сбоку метрах в пяти, Герра – за нами, его задачей была в случае чего постановка псионического барьера, лишняя защита никогда не помешает, а эффективная дальность его умений, по моим прикидкам, всего метров двадцать – двадцать пять.

Я аккуратно положил винтовку и приник к окуляру, отмечая парящие над землёй цели – пять единиц. Я был почти уверен: сейчас они неподвижны, вероятно сканируя датчиками всё вокруг, но стоит им засечь хоть что-то, напоминающее человека, как они мгновенно сорвутся в атаку.

Тут вдруг откуда-то, совсем не с нашей стороны, по ним заработал автомат, и по ушам резанул до боли знакомый треск основного оружия десанта, такого же, что Генрих сейчас до скрипа сжимал бронеперчатками. Вот только стрелок, по звукам, похоже, был один, и я, плюнув на всю маскировку – не оставлять же неизвестного стрелка один на один с пятёркой противника, – навёл перекрестье чуть ниже того, что идентифицировал как орудийную башенку одной из машин, и плавно нажал на спусковой крючок. На мгновение задержал дыхание. Есть! Чужак рванул, разлетаясь осколками, а я уже ловил в перекрестье следующего. Рядом рывнули частые очереди курсанта, и краем сознания я одобрительно отметил, как ещё один дроид, задымив, рухнул в траву. Перед глазами заплескали зеленоватые всполохи – это ответные очереди двойки развернувшихся к нам ещё целых машин принял на себя псионический щит, а я смог записать на свой счёт ещё одного дроида, повредив, скорее всего, его маневровые движки. Отбросив винтовку и выхватывая пистолет, я рывком поднялся на колено и открыл частую пальбу – два последних механизма вспыхнули, разваливаясь прямо в воздухе.

«Что ж, по крайней мере, они уязвимы для нашего оружия», – мелькнула отстранённая мысль, и я с некоторым удивлением ощутил, что пальцы, держащие оружие, слегка подрагивают.

Сколько длился этот бой? Вряд ли больше тридцати секунд. А адреналин стучит в висках бешено колотящимся сердцем. Но надо успокоиться, унять слишком частый пульс, потому что нам всем сейчас нужна ясная и холодная голова. Особенно мне как командиру группы.

Глубоко, но негромко вздохнув, я зорко прочесал окрестности и, больше не заметив ничего подозрительного, коротко хлопнул Генриха по наплечнику:

– Ну что, с боевым крещением тебя, курсант.

Парень сработал как надо, уничтожил две цели, да и вообще показал себя с самой лучшей стороны.

– Молодец, отлично стреляешь.

Жолондзевский поднял на меня глаза и почти по-детски доверчиво улыbnулся:

– Командир, у меня второе место на курсе по стрельбе, восемьдесят девять из ста.

Было видно, что моя похвала много для него значит. Я одобрительно кивнул:

– Давай и дальше так. А теперь... – Я ещё раз посмотрел туда, где, по моим прикидкам, должен был сидеть неизвестный стрелок. – Пойдёмте искать нашего застрельщика.

Когда навстречу нам вышел курсант лётного училища с крейсера, я почти не удивился. Парень оказался тем, кто ковырялся в ангаре у истребителей, и, когда всё началось, залез в кабину одной из учебных машин. Стартанул с агонизирующего корабля он почти сразу вслед за нами, мудро решив последовать моему примеру. Огонь по чужакам открыл больше от неожи-

данности, за что и был мной примерно отруган. Однако сильно Олегу, так звали летуна, по ушам ездить я не стал, научиться ещё, коли жив останется.

«Птичку» свою он угробил при приземлении, просто уронив её в лес, что было, в общем-то, простительно, ну, лично на мой неискущённый в лётном деле взгляд. Больно уж внезапно для молодого курсанта тут завертели дела, мог и замандражить, позабыв всё, чему учили. Но главное, сообразил засечь ориентиры на случай, если не сработает штатный аварийный маяк, чтобы потом долго не искать свой аппарат. А там, может, окажется, что и не сильно много нужно восстанавливать. Так, по крайней мере, я Олега успокаивал.

Осмотренные вблизи чужаки подтвердили свою полностью механическую природу, укрепив меня в мысли, что это только автономные передовые дозоры, их же хозяева ждут нас ещё впереди. И я махнул чуть разросшемуся отряду двигаться дальше.

Вновь стрельбу мы услышали уже на подходе к посёлку: резкий незнакомый стрёкот оружия чужаков перемежался беспорядочными автоматными очередями. Мы только-только успели укрыться за крайними поселковыми модулями, как на нас вынесло шатающегося десанта в закопчённой, изгвазданной броне. Сбив его подножкой, я рывком дёрнул парня в наше укрытие, а Герра с Жолондзевским открыли ураганный огонь по дроидам противника, наступавшим тому на пятки. Хорошо, их было не много. А то с без пяти минут инвалидом-психоником и парой недоучившихся курсантов много не навоюешь... И я занялся спасённым.

М-да, словно кольнуло что-то, когда из прорези шлема на меня глянули большущие глаза с накрашенными ресницами. Знаки различия сержанта, эмблема наземных подразделений флота, короткая фамилия Седых на груди слева – всё это я выхватил за мгновение. Да, таких ресниц у парней, особенно на флоте, не бывает, а значит, глаза определённо принадлежат женщине, нет, даже весьма молодой девушке. Одно было плохо: эти глаза были пусты и безжизненны. Тяжёлое дыхание с хрипом вырывалось наружу, она безвольно сидела, прислонившись к камню, еле удерживая за рукоять валявшийся подле неё автомат.

Я скрипнул зубами, осознавая простую мысль: «Первый бой, мать их, как пить дать для неё это первый реальный бой, она же сейчас в полном ступоре». Надо срочно приводить её во вменяемое состояние, тут «или – или». Или переборешь себя, или сломаешься психологически. Я такое уже видел, там, на Кавказе. Так вот, она мне нужна боеспособной.

Зло оскалившись, я схватил её за кирасу и тряханул.

– Звание, имя! – Ещё раз тряханул. – Звание, имя! – Видя, что девушка не приходит в себя, долбанул ладонью по шлему, заставив голову мотнуться в сторону. – Звание, имя!

– Сержант Седых... – с запинкой проговорила она, фокусируя свой взгляд на мне.

Уже хорошо. Продолжая давить на вбиваемые инструкторами в учебке рефлексy, я всё рявкал:

– Я майор Комаров, спецназ Альянса. Сержант Седых, приказываю доложить обстановку!

– Мой взвод, та-щ майор...

Я про себя выматерился и снова рявкнул:

– Вы что, сержант, забыли, как докладывать?! Вы кто, солдат или студентка педучилища?

– Нет, не забыла. – Она наконец пришла в себя, я аж отшатнулся от волны накатившей на меня злобы и внутренне усмехнулся: злость такая здорово проясняет разум. – Двести двенадцатый пехотный батальон, та-щ майор. – Это «та-щ» она прошипела сквозь зубы. – В составе взвода обеспечивали охрану лабораторного комплекса ВНИМИ, были обстреляны неизвестным кораблём и последовавшим с него десантом. В связи с большими потерями и численным превосходством противника удержать оборону не представилось возможным.

– И вы бежали, – констатировал я.

Сержант с вызовом посмотрела на меня.

– Да. Мой взвод был уничтожен.

– Уверены? – прищурился я. – Уверены, что там не осталось живых, раненых?

Она промолчала.

– Напомните мне ещё раз, какова была ваша задача.

– Охрана лабораторного комплекса.

– Вы не смогли удержать оборону и бежали, пустив противника на охраняемую территорию, полную гражданских. – Мой голос был сух и холоден. – И значит, те, кто не успел укрыться, уничтожены. Уничтожены те, кого вы должны были защищать, сержант. Вы на сто процентов уверены, что те пара минут, которые бы вы ещё сдерживали противника, не стоили бы чьей-либо жизни? – Я почувствовал, как приблизились курсанты с псиоником. Пусть, им полезно послушать, розовые очки моментально спадают, и вся романтика армейской службы сдувается, как воздушный шарик. – Гипотетически вы, сержант, бросили раненых товарищей и не выполнили свой боевой долг. Подумайте, сержант, для чего вы пошли в пехоту?

– Отдадите меня под трибунал? – Она ещё пыталась язвить, но по побледневшему лицу было видно, с каким трудом ей это давалось.

– Нет. Не отдам. Но запомните раз и навсегда: воинский долг выше вашей жизни. – Я протянул руку: – А теперь вставайте. Этот бой ещё не закончен.

Посёлок чадил, вагончики были изрешечены выстрелами, в воздухе резко воняло жжёным пластиком, то там то здесь лежали тела. Седых, закусив губу, бросила на меня затравленный взгляд. Я подумал с мрачным ожесточением: «Смотри, смотри, кошмары мучить будут, но ты справишься – упрямая. И в следующий раз уже не побежишь». Всклипнул один из курсантов. «И вы смотрите, и учитесь ненавидеть, а потом выкуйте из своей ненависти ледяной клинок, потому что если это война, то пощады в ней не будет никому».

Вдруг одно из тел начало шевелиться.

– Стой! – рявкнул я дёрнувшейся было к нему Седых.

«Что-то не то», – забила в голове мысль, слишком уж неестественны движения. Да и то, что вставало, мало походило на человека. Искорёженное тело, какие-то металлические с виду наросты, светящиеся глаза... Это вряд ли можно причислить к роду человеческому, скорее – напичканный имплантами зомби. Вот только как неведомый противник успел это сделать за какие-то полчаса?

Но все вопросы потом. Сдёрнув с пояса гранату, я резко метнул её в скопление тел, вставших вслед за первым.

– Огонь, огонь!

Взрыв вывел группу из ступора. Застучали автоматные очереди. Почти подбежавшего ко мне зомби вдруг отбросило метров на десять. Оглянувшись, я увидел Габриэля. Ещё раз уверился, что псионика хороша в обороне. Примерившись, метнул ещё гранату. Хорошо, что с собой только наступательные, осколков не дают, а без гранат никак: похоже, почти весь посёлок к нам сбежался.

Пара взрывов прогремела справа: курсанты с Седых отсекали зашедших с боку, и я махнул Герре:

– Давай к ним.

Зомби-то, как я успел понять, псевдоорганические роботы с небольшим набором управляющих программ, да и опасны только вблизи, но их действительно было много, и уничтожить их трудно. Каждый внедрённый имплант, судя по всему, абсолютно самодостаточный механизм, поэтому даже оторванная от тела рука продолжала, подчиняясь генерируемым импульсам, дёргаться и извиваться. То, что в голову стрелять бесполезно, я понял сразу.

– Стрелять по ногам!

Двигательный аппарат-то остаётся тот же, и двигаются бывшие человеческие тела благодаря мышечным сокращениям, а стоит повредить, перешибить мышцы и связки ног, как зомби уже практически не опасен, а ползать они не умеют. Всё-таки чужаки, создавая управляющие

программы для человеческих тел, возможность движения ползком не учли. С другой стороны, раз вообще смогли добиться результата, значит, к атаке готовились заранее.

А вызывавшие дрожь порождения изошрённого чужого разума всё лезли и лезли неорганизованной толпой. Похоже, сержант была права: укрыться из научного персонала комплекса не успел, наверное, никто. Рваные светло-голубые комбинезоны не оставляли сомнений в их принадлежности.

Помощь пришла откуда не ждали. Прямо в гущу прущих на нас тел на полном ходу влетел, сшибая клинообразным носом, «Циркон», развернулся, снес пару жилых модулей, причёсал длинной очередью из спаренного с орудием пулемёта зомби, буквально разрывая их крупнокалиберными пулями, и замер, угрожая поводом стволом.

Устало прислонившись к вагончику и глядя на вымотанную боем группу, я стал разглядывать новейшую боевую машину, каким-то чудом оказавшуюся здесь.

Вот только бортовой номер «051»... и показавшаяся в боковом люке чумазая голова ещё одного моего курсанта, Миши Таранова, развеяла последние сомнения. Это была именно наша учебная машина с крейсера.

– Товарищ майор! – заорал он обрадованно, потом увидел Жолондзевского и ещё более обрадованно завопил: – Длинный! Живой!

Длинным Генриха прозывали за высокий рост и худобу. Я, правда, был не ниже, но, раздавшись в плечах и груди, шире был раза в полтора, что визуально скрадывало рост. Но ничего, Генрих наест мяса и будет как я.

– Ты один, Миш? – спросил я его, подходя.

– Не-а, – помотал он головой. – Двое нас. Ещё Серёга со второго взвода.

Заглянув внутрь машины, я увидел сосредоточенно сидящего за рычагами Серджио Ортегу, испанца, родом откуда-то из Каталонии. А Таранов принялся с жаром рассказывать вновь обрётённому товарищу в лице Жолондзевского их похождения.

– Мы только-только успели в машину заскочить, как – бах! – и крыши нет, одни звёзды над головой. Срезало, да чисто так. Прямо в притирочку прошло, метр ниже – и мы бы без башни оказались. Я только «мама» и успел сказать, как нас выкинуло наружу. Ну всё, думаю, капец, хорошо ещё автоматика сработала: как только наружное давление упало, машину сразу загерметизировало. Благо сообразил, что мы в гравитационном колодце планеты уже, воткнул режим десантирования – и всё, дальше только держись.

– Миша, – прервал я переполненного впечатлениями курсанта, – как нас нашёл?

– Система «свой – чужой» сработала, подсветила вас, – незамедлительно ответил тот. – Связи-то нет, ни спутников над головой, ни местных, один белый шум, удачно, что вы всего в нескольких километрах оказались, сигнал смог пробиться.

– Так, – принял я решение, – группа, в десантное отделение. Курсант Таранов наводчиком, Ортега мехводом. На броне двигаться запрещаю. Люки в боевое положение. По местам!

«Ну всё, – подумал я, уместаясь в удобном командирском кресле, – „Циркон” со своим 135-мм орудием по огневой мощи танк переплюнет. Тут главное – особо не высовываться, а для рейда по тылам противника лучше машинки и не придумаешь».

Под бронёй с активированным силовым щитом я почувствовал себя намного увереннее. «Циркон» всё-таки умная голова придумала. БМД и плавающая, и летающая, всяко лучше «Пустыни». Органы управления напоминали мне «Малютку»: ПТУР на базе БРДМ моего времени. Широкий визор с нанесённой шкалой упреждения и прицеливания, слева – жёстко закреплённая ручка типа «скоба» со спусковой кнопкой, а справа – рукоять с кнопками под большой палец, которым осуществляется наведение орудия. А что, удобно. Наводчик всегда держится обеими руками, что при стрельбе с ходу очень полезно, работают только большие пальцы обеих рук, а приемлемо освоить кноппель хватает пары часов на тренажёре.

– Миша, – проверив данные со сканеров, свесился я вправо к курсанту за орудийным пультом, – какой боекомплект?

– К орудию тридцать выстрелов, пулемёт – около семисот.

– Гут. – Я толкнул Серджио в плечо, привлекая внимание: – Отметки наших видишь? Километрах в двух на северо-запад.

– Да!

– Давай резво туда, но только без фанатизма, не угрожь нас ненароком.

– Есть, командир!

Басовито загудел электропривод колёс, каменная крошка, словно шрапнель, сыпанула по вагончикам, а я вперил взор в экраны. У командира несколько задач: задавать направление движения, засекать цели и давать целеуказание наводчику. На шести экранах мне выводились данные радара, датчики органики-неорганики, круговой обзор с переключением режимов тепловизора и ноктовизора и ещё куча всего – красота!

– Цель на два часа...

Не успел я договорить, как взвыли сервомоторы орудийной башенки. Бам-м! Всё, нет чужих. Мельком отметил: «Трое – патруль».

– На девять...

Бам-м! И следом ударила пулемётная очередь, добивая оставшихся.

Тут выскочили на каменистую проплешину в редколесье. Пулемётная строчка перечеркнула двух чёрных дроидов, и мы остановились подле раскрытой спасательной капсулы. Похоже, одной из тех, на которых эвакуировался экипаж «Новосибирска».

Выбравшаяся наружу Седых с курсантами, проверив её, отрицательно покачала головой. Напряжённый голос по тактической связи произнёс:

– Пусто, ни живых ни мёртвых.

– Ладно. Помимо лабораторного комплекса поблизости есть ещё что?

– Только сортировочный пункт, а оттуда монорельс до аэропорта.

– Далеко?

– Километров десять, или чуть больше.

– Тогда туда!

Мы круто развернулись и рванули в указанном направлении, там могли быть местные, может, даже кто-то из остатков охранного взвода. Трясаясь на ухабах – не будь пристёгнутым, давно башкой все мониторы пораздолбал бы, – я пытался слушать Седых, втолковывающую мне о сортировке.

– Там справа, вдоль монорельса, технологическая дорога, сервисники по ней ездят, на броне вполне пройдем. До аэропорта недолго, полчаса – и выйдем к платформам, но дальше только ножками, хотя, если хорошо подпрыгнуть, с ходу можем и на платформу заскочить.

Я покивал. Взбодрившаяся в боевой машине сержант, похоже, уже свято уверовала, что мы рванём до самого аэропорта выбивать оттуда наглых захватчиков. Вот только мне такой одиночный рейд прямо под дула целой эскадры никуда не упирался. Обрывать девушку, однако, я не стал, боевой дух – тоже дело важное, но попридержать коней всё же приготовился.

Показалась сортировочная с тонкой серебристой ниткой монорельса.

– Гляди! Что это?! Какой огромный! – чуть ли не хором завопила моя банда, увидев торчащую над аэропортом чужеродную махину.

Громада же линкора чужих плавно оторвалась от земли и, набирая скорость, скрылась в плотных красноватых облаках, а вслед за ним и пятерка силуэтов поменьше.

«Всё, приехали», – подумал я. Вражеское вторжение окончилось так же внезапно, как и началось. Машинально осмотрев визором здания и склады на сортировке, я увидел медленно бродящих техномомби, которые казались более заторможенными, чем виденные нами ранее.

Похоже, ещё пара часов – и их тела окончательно перестанут функционировать, уже не представляя опасности. Всё-таки это, вероятно, оружие первого удара.

– Таранов, противника уничтожить, – отдал я короткий приказ, право выбора очередности целей доверив курсанту, и хладнокровно отметил, как несколькими выстрелами зомби смело с нашего пути.

– Ортега, Таранов – в машине, остальные за мной.

Выбравшись из бээмдэшки, соблюдая осторожность – помимо зомби, нас могли ждать и другие сюрпризы, двинулись к платформе. И вдруг вдалеке сверкнуло, вспухло грязно-серое облако дыма.

– Они взорвали астропорт! – охнула сержант.

Секунд через пять до нас докатилась сейсмическая волна, а ещё через десять дошёл чуть раскатистый гром, похоже, подорвали несколько зарядов одновременно.

«Вот и конец», – устало опустил я пистолет и сел на камень. Уже можно не гнать коней, чужаков нет, тем более, кроме их дроидов и технозомби, мы никого больше не видели, так и не установив хотя бы примерную видовую принадлежность противника. Через пару суток сюда, скорее всего, заявится «папаша» – командующий русским сегментом флота Альянса адмирал Фёдоров и отвесит всем звиздюлей за просранные полимеры. Осталось только дожидаться пару взводов местного гарнизона, чтобы до прилёта с адмиралом следственной группы военной прокуратуры всё тщательно оцепить.

Ещё бы знать, что с остальными курсантами да с экипажем крейсера и куда девать прибившихся к группе сержанта с летуном? Вопросы, вопросы...

Жолондзевского с другими курсантами распирало, хотя той щенячьей задорности уже не было, я ловил пару раз его серьёзный и задумчивый взгляд. Со временем будет хорошим командиром и, похоже, не успокоится, пока не пробьётся в подразделения спецназа флота.

А вот Герра, разлёгшийся на тёплой броне БМД, был, как всегда, безэмоционален и молчалив, словно наши покатушки и бой в посёлке его совсем не взволновали. Ну да, я вообще не понимаю, как можно жить с практически постоянной головной болью. Ещё в той жизни дед мне рассказывал о своём товарище, который вернулся с Великой Отечественной со страшной головной болью после контузии. Как жил и работал – вообще непонятно. Тридцать лет держался на силе воли, но в итоге не выдержал и повесился. А в записке написал: «Простите, товарищи, не считайте меня дезертиром, но я так больше не могу». Так что единственное, что я мог, так это лишний раз не дёргать Габриэля, оставляя его отдыхать.

Вернувшись в командирское кресло «Циркона», я снова попытался связаться хоть с кем-то, но, похоже, уцелевшие спутники ещё не успели выйти на орбиту над нами, оставляя нас без связи с внешним миром.

– Ну нет, я вернусь! Обязательно вернусь! – прошептал я, рефлекторно сжимая кулаки.

Потряс головой, отгоняя дурные мысли. Пора разложить всё по полочкам, как учили, и первой в очереди стояла оценка оперативной обстановки. Целью атаки были астропорт, сортировочная и лабораторный комплекс. Чем-то эти три пункта были связаны. Но чем?

Откинувшись в кресле, я так и этак мысленно вертел ситуацию в мозгу, что-то мешало сложиться цельной картинке, чего-то не хватало, какой-то маленькой детали, шестерёнки, из-за которой никак не хотел заработать весь механизм.

Мои размышления прервало лёгкое покашливание. Повернув голову, я увидел заглядывающую в боевое отделение сержанта.

– Да?

– Товарищ майор, разрешите поговорить?

– Заходи, сержант.

Седых вошла, захлопнув за собой бронированный люк. Села в кресле наводчика, разворачиваясь ко мне, сняла шлем, откидывая слегка спутанные волосы, и взглянула на меня чуть

исподлобья. Замялась, словно подбирая слова, а я невольно окинул всю её взглядом, заново оценивая, но уже не как солдата, а как женщину. Раньше как-то не до того было, вся эта беготня, стрельба, да и кирасы что на мужиков, что на женщин оборонка клепают абсолютно одинаковые, так что отличить девушку в броне от щуплого солдатики сложновато.

Что могу сказать: хороша, чертовка, приятные черты лица, не длинные – по-моему, это называется каре – тёмные волосы, пронзительные, зацепившие меня ещё в первый раз карие глаза. Я постарался скрыть свой интерес, отводя взгляд, но, несмотря на все возводимые психологические барьеры, шальная мысль узнать, какое у неё под бронёй тело, у меня проскочила. Не знаю, расшифровала ли она те взгляды, которые я бросал на неё, но, не поднимая головы, сержант глухо заговорила:

– Товарищ майор...

Я остановил её, покачав головой:

– В неформальной обстановке разрешаю обращаться просто по имени – Влад.

Она кивнула:

– Влад, я пришла поговорить о том... что произошло в посёлке.

Я открыл было рот сказать, что всё понимаю и в этом нет необходимости, но, натолкнувшись на её взгляд, промолчал, отчитывая себя за чуть было не совершённую ошибку. У неё был первый бой, она потеряла весь свой взвод, чудом выжила. А ещё повисший на ней груз жизней не меньше сотни гражданских, которых она должна была защищать... не одна, но всё же. Вот с кем ей сейчас об этом поговорить, как не со мной, пусть временным, но её командиром. А любой грамотный командир должен быть хорошим психологом, но не кабинетным, а больше интуитивным, полевым психологом, что приходит с опытом. Нельзя научиться читать человеческие души по книжкам. Вот поэтому я промолчал и стал внимательно слушать.

– В общем, я тогда разозлилась очень. А ещё во мне была обида, мне казалось, что я выжила чудом, а вы... Мне казалось, что то, что я выжила, вас взбесило, словно я должна была умереть, и это было несправедливо, ведь всех остальных убило, а я осталась одна, совсем одна, а вокруг была смерть...

Она изливала душу, выговариваясь, а я с каждым словом мрачнел. И что мне ей ответить? Она, конечно, молодец; солдат после первого боя, да ещё такого, бывало и сильнее ломало. А она ничего, держится, гнётся, но не ломается. Но женщина на войне, вот так, в первых рядах... Мне с моим опытом двадцатого века это до сих пор было очень тяжело воспринимать. А она продолжала:

– Но потом, когда я увидела уничтоженный посёлок и трупы, везде трупы, мне хотелось заплакать, ведь я знала почти всех... А потом, когда они стали подниматься и нападать на нас и я стреляла в них, то думала, что свихнусь, так это было страшно, ужасно, нелепо, я не знаю, как это сказать... И самое страшное: а вдруг, действительно, продержись я чуть дольше, удержи чужаков хоть на несколько минут – и кто-то из них сумел бы спастись... Тогда я поняла, что ты мне говорил, Влад, и я не знаю, как с этим жить дальше.

Она подняла на меня взгляд полный отчаяния. Такой, что мне захотелось пожалеть её, прижать к груди, как маленькую девочку, успокаивающе глядя по голове. И я понял, что смириться с женщинами в своём подразделении я, наверное, не смогу никогда, потому что к своим солдатам я не имею права испытывать таких чувств. Всё, что угодно, – понимание, сочувствие, но только не жалость.

Интерлюдия 1

Крейсер «Варшава», ВБА¹ «Дальний-1»

¹ В Б А – военная база Альянса.

Вопреки традиции, адмиральский вымпел был поднят не на линкоре «Союз», головном линкоре серии, флагмане русского флота, а на крейсере «Варшава», где и был оборудован мобильный пункт управления флотом. Начальник 3-й разведывательной флотилии флота контр-адмирал Старинов подошёл к задумчиво разглядывающему интерактивную тактическую схему командующему.

– Товарищ адмирал, пришёл рапорт с Новой Земли.

– Без чинов, Пётр Михайлович.

Старинов непроизвольно поморщился, но кивнул:

– Хорошо, Владимир Александрович.

А Фёдоров, глядя на главу разведки флота, скривившегося как от лимона, развеселился:

– Что, прочитал уже про себя? Я, признаться, друг мой, долго хохотал. Прости, Господи, эти СМИ, не ведают, что пишут.

Старинов только буркнул что-то непечатное, меняясь в лице. А ситуация, в общем-то, была презабавная. А дело было в невежестве писак из ААК, которых объединённое командование пригнало в образцово-показательное подразделение флота. И всё бы ничего, но Старинова, отдавая дань уважения его опыту и навыкам, многие, даже вышестоящие по званию, называли по имени-отчеству – Пётр Михайлович. Пожалуй, из флотских он был одним из самых опытных офицеров, участник нескольких вооружённых конфликтов, так же как и Фёдоров. Но если Фёдоров оставался в душе больше офицером спецназа, собаку съевшим на проведении десантных операций, то Старинов был флотоводцем до мозга костей. Некоторые его тактические схемы действий соединений флота в прорыве и в обороне, подтверждённые, между прочим, реальными боями, преподавались в Академии Генштаба как образец эффективности и грамотного тактического планирования. Но кого-то из сопровождавших делегацию угораздило отрекомендовать Старинова именно по имени-отчеству, как одного из лучших офицеров флота. А у журналистов не хватило то ли ума, то ли сообразительности уточнить этот вопрос в кадровой службе, и по всем сетям контр-адмирал пошёл под фамилией Михайлович. Вот это Фёдорова и веселило, а Старинова приводило в бешенство.

– Вот, Пётр Михайлович, придётся теперь фамилию в паспорте менять.

– Ну, хоть не имя, и на том спасибо. Как они русские имена коверкают, так страшно становится. В одном из их фильмов бедную девочку называли Петрова. Петрова Фоссиль. Это же бред!

Рассмеявшись, адмирал участливо похлопал по плечу возмущённого Старинова.

– Прости, мой друг, ладно? – Взмахом руки убрав тактическую схему, Фёдоров сел в одно из кресел, жестом предлагая контр-адмиралу садиться в соседнее. – Рассказывай.

Включив планшет, Старинов перебросил на голоэкран несколько снимков огромного, необычной формы корабля.

– Это фотографии неизвестного линкора, атаковавшего Новую Землю. Было ещё несколько десантных кораблей, но в прорыве обороны они не участвовали. Два крейсера прикрытия уничтожены, бывший там же учебно-боевой крейсер «Новосибирск» смог опуститься на поверхность, но восстановлению не подлежит, дешевле новый построить. Уничтожено до трети спутников орбитальной обороны, причём, со слов командующего гарнизоном, орбитальная группировка практически не смогла оказать какое-либо существенное противодействие. Этот линкор продавил оборону, не снижая скорости. По непроверенным данным, каждому из наших кораблей хватило по одному попаданию.

Адмирал покачал головой:

– Чтобы вот так, походя, развалить пусть устаревшие, но всё же крейсера... Что им было нужно, сведений нет?

– Десант чужаков накрыл лабораторный комплекс ВНИМИ и аэропорт с сортировочным комплексом. Есть подозрение, что это как-то связано с тематикой проводимых там исследований. – Старинов развернул ещё несколько снимков разрушенного аэропорта. – Аэропорт был уничтожен несколькими взрывами сразу после взлёта эскадры чужих.

Разглядывая расплывчатые обводы снятого издалика корабля противника, Фёдоров словно постарел на несколько лет, чётче прорезались морщины, на лице проступила печать усталости. Он потёр виски и хмуро посмотрел на Старинова.

– Как думаешь, кто это и сколько у них таких кораблей?

– Не знаю. Мало данных. Но кто поручится, что это не проба наших сил? Даже один такой корабль с треском ломает всю нашу военную доктрину. До подхода ударной группировки флота нам просто нечего ему противопоставить.

– Чужаки, чужаки... Откуда они вообще вылезли? – Не в силах усидеть, Фёдоров поднялся с кресла и почти вплотную подошёл к голоэкрану, разглядывая очертания линкора. – А если это война? Если это обкатка боевых возможностей нового корабля перед вторжением? – Адмирал наклонился к интеркому: – Флоту – двухчасовая готовность. Эскорту – готовность к прыжку. – Обернулся к Старинову: – Я с эскортом иду на Новую Землю, твоя задача – организация разведки. Прочеши все системы, где могут быть секретные форпосты чужаков: базы обеспечения, места концентрации ударных группировок, информация – вот что нам нужно сейчас как воздух.

Контр-адмирал кивнул, а командующий продолжил:

– Режим секретности не снимать. Мне сначала нужна чёткая оценка на месте. А дальше разберёмся. Все данные по чужаку шифровкой в объединённое командование. – На прощание Фёдоров обнял старого друга: – Знаешь ведь: надеясь на лучшее, готовься к худшему. Что ж, будем готовиться и надеяться.

Глава 2

Как говорил генерал Лебедь, если виновных нет, их назначают. Однако в нашем случае назначать никого не пришлось. Мы с О'Киффом, чудом умудрившимся приземлиться разваливающийся на ходу крейсер, дожидались своей очереди в приёмной в здании местной администрации, главу которой прибывший через три дня командующий флотом временно выгнал, заняв его кабинет. Вернее, если сказать более точно, когда Фёдоров с четырьмя крейсерами прибыл на Новую Землю, администрация колонии ещё не успела вернуться после спешного бегства под прикрытием 7-й пехотной дивизии, расквартированной на планете.

Первым под тяжёлую руку адмирала попал командир дивизии генерал-майор Старк. Больше всего Фёдорова разъярило то, что Старк, как телок, шёл на поводу у главы администрации колонии Беннета. И вместо того, чтобы организовать контратаку и не дать чужакам закрепиться и уничтожить астропорт, выполнял истеричные требования защиты ценной тушки этого Беннета и его кодлы. Как оказалось, именно он запретил Старку атаковать противника, требуя бросить все силы на защиту от возможного нападения чужих.

Даже из-за двойных дверей был слышен рёв Фёдорова: – Ты, твою мать, кто?! Какого... ты не заткнул это визжащее чмо?! Говно ты, а не генерал! Брысь с глаз моих!

За безграмотное управление наземными войсками, потерю контроля за обстановкой, что привело к утрате одного из важнейших узлов инфраструктуры колонии – астропорта, Старку впаяли неполный ход. На комдива после разговора с командующим было больно смотреть: судорожно вытирая лоб платочком, он просеменил мимо меня, бормоча что-то вроде «Ох крут, ох крут».

Следующим на очереди был командир 103-го полка, чей взвод стоял в охране археологической экспедиции и астропорта. Ему тоже не позавидуешь. Десант противника, как выяснили после нападения, был не так уж и велик, что-то около трёхсот единиц с небольшим количеством тяжёлых платформ, с которыми нам повезло не встретиться. Первая волна десанта, около двухсот нападавших, захватила астропорт, выбив подразделения полка. Оставшаяся сотня высадилась практически на голову взвода охраны и полностью его уничтожила. Единственной, кто выжил, была сержант Седых. Командиру 103-го полка полковнику Кемптону явно грозило не просто служебное несоответствие: лаборатории, похоже, были прикрытием какого-то ещё более засекреченного объекта. Так что обоснованность решения о небольшой охране, хоть и принятого для как можно меньшего привлечения внимания к месту раскопок, полковнику придётся доказывать военному трибуналу.

Мои догадки подтвердились, когда полковника из кабинета вывели под конвоем, личный пистолет Кемптона адмиральский порученец сдал охране. Проводив взглядом конвой, порученец кивнул нам, приглашая в кабинет. Я оправил китель, разглаживая морщинки и чуть сдвигая назад поясную кобуру, – всё-таки к адмиралу идём, не хрен собачий.

Вам знакомо чувство, когда как под обстрелом тянет вжать голову в плечи и пригнуться? Так вот что-то подобное я ощутил, когда мы вытянулись пред гневными очами адмирала. Вот только я уже давно не гимназистка, пугающаяся грозных взглядов, меня таким не проймёшь, собственно как и О'Киффа, который, сдаётся мне, в иные моменты с командующим и водочки пивал.

Тяжёлый взгляд адмирала упёрся в меня.

– Что, задумался, майор?

Я промолчал. Но от меня пока ответов и не ждут, вопрос был скорее риторическим. А Фёдоров продолжил:

– Где, кстати, десант с «Новосибирска»? Сколько там, рота минимум была на крейсере? Ладно, курсанты все на земле, ладно, командир десантной группы мог засидеться, рассла-

биться, но ты же матёрый волчара, мы же с тобой... – Он осёкся, недобро покосился на Кернея, опустив, что же такого вместе с командующим мы делали. Похоже, Владислав когда-то по службе плотно с ним пересекался, вот только никаких воспоминаний у меня на этот счёт не было. А Фёдоров продолжил: – Целая, мать его, рота десанта! Или ты тоже растерялся? А может, десант вместе с курсантами доблестно на планету в увал свалил? Тут, конечно, дров и до тебя наломали, о соблюдении режима секретности, такое впечатление, никто и не слышал. Среди бела дня объект возят туда-сюда. Сказано же было, прилетят – и заберут! – Не выдержав, адмирал грохнул кулаком по столу.

«М-да, – подумал я, стараясь не задумываться об очередной оговорке командующего о каком-то объекте, – видать, сильно допекло местное дуболомство».

– Ну так вот, майор, – немного успокоился адмирал, – не поверю, что ты не смог бы ничего сделать. Ладно, местные, реального боевого опыта у них, считай, нет. Но ты же им не чета, у тебя, в конце концов, боевых операций десятка три, не меньше. А, майор?

– Та-щ адмирал, – подался я вперёд. Фёдоров сам из десанта, и меня поймёт. – Если бы у меня действительно была кадровая рота, можно было бы эту партию сыграть по-другому, а с тем, что есть... – Я покачал головой.

– Что ты мне башкой тут машешь! – Адмиральское недовольство аж сквозило в голосе. – Куда она делась?!

Я достал сложенный вчетверо листок приказа, передавая Фёдорову.

– Спросите это у полковника, который данным приказом, засунув мне одного псионика с устаревшим имплантом в экипаж, выпнул корабль в поход без десантной группы.

Взяв бумагу и вчитавшись в строчки, Фёдоров нахмурился. Вызвал порученца, всунул ему приказ:

– Передать Старинову: полковника в карцер, вернись, лично на рее вздёрну. – Снова посмотрел на меня: – Ладно, Комаров, с этим мы ещё разберёмся. Времени у меня мало, так что пока свободен, но позже ещё поговорим. – Взгляд адмирала переместился на О'Киффа: – А ты, капитан первого ранга, останься, есть разговор.

Молча козырнув, я крутанулся через левое плечо и вышел, плотно прикрыв дверь. Мне-то их большие секреты побоку, адмиралу, похоже, хочется на корабельные темы поговорить. Это пока ещё разбор полётов, Фёдоров сейчас всем подряд «пряники» раздаёт, но чуть позже, когда он разгребёт эти авгиевы конюшни, тогда в приватном разговоре для меня кое-что, может, и прояснится.

Вот только вышедший через полчаса Керней обрадовал меня, во-первых, своим назначением на новёхонький корвет, прибывший с адмиральской эскадрой, а во-вторых, приказом о переводе меня из учебки обратно в спецподразделение разведки флота и назначении командиром разведывательно-диверсионной группы этого же корвета, куда мне и следовало прибыть незамедлительно для встречи с подчинённым составом.

«Стойкий», так назван был корвет, громадой высылся на наспех развёрнутом силами наземной дивизии астродроме. Вытянутый и чуть распластаный силуэт восьмидесятиметрового корабля хищно изгибался, нависая над посадочной площадкой. По верху брони шли два небольших гребня эффекторов порталльной системы, а снизу выпирал горб спрятанной до поры до времени орудийной спарки. Красивый корабль, что ни говори.

Мимо меня проносились грузовики, постоянно взлетали и садились дропшипы, высаживая десант. Козырнув хмурой охране на временном КПП, я прошёл мимо снующей судовой команды. Кое-кто оказался из старого экипажа О'Киффа, и мичман, ведающий погрузкой, оторвавшись от планшета, чуть кивнул мне, как старому знакомому. Герра тоже был здесь, смотрел, как наш «Циркон» с бортовым номером «051» задним ходом загоняют в трюм. Судя по скупым жестам, он давал команды невидимому мне мехводу, чтобы, не дай бог, не снесли гидравлические стойки пандуса.

Ударил порыв ветра, рядом с нами стал снижаться дроп-шип с эмблемой адмиральского крейсера на борту. Проводив его взглядом, я подумал: «Ну вот и оно». Похоже, прибыла моя группа диверсантов. И точно, из распахнувшегося люка на бетонку, не торопясь, с ленцой, граничащей с расхлябанностью, стали соскакивать фигуры в повседневной форме, многие без кителей, в одних форменных майках, у нескольких я заметил на ногах неуставные кроссовки. Что ж, им прощалось. Лёгкое чувство узнавания посетило меня. Видел я уже такое, да и сам таким был, вернее, таким был Владислав, это были мои прошлые и будущие сослуживцы – действительно, матёрая группа диверсов. Тактическая группа флота – так они именовались официально. Общая численность – около трёхсот человек, командующий – не ниже контр-адмирала. Приказы только лично от командующего флотом. Фёдоров, да и Комаров были именно оттуда. Всего я насчитал девяти, подхватив сумки, они двинулись ко мне.

«Твою ж мать», – подумал я, глядя на идущего, нет, идущую первой. Вот вы видели фильм «Солдат Джейн» с Деми Мур в главной роли? Я видел, и сейчас ко мне приближалась практически точная её копия. С ёжиком рыжих волос, с жёстким и цепким взглядом, с рефлексам профессионального убийцы. Её сложно назвать женщиной, у таких даже не замечают ни первичных, ни вторичных половых признаков, настолько чисто психологически она стала для всех боевым товарищем. Это не сержант Седых, совсем нет, эта «подруга», что надвигалась на меня, давно поборов все рефлексии.

Тут стоит сказать о странных свойствах моей памяти, всё-таки находился-то я не в своём изначальном теле, поэтому какие-то вещи, явления, события, словно триггер, пробуждали воспоминания бывшего хозяина тела, и перед мысленным взором словно проносились череда картинок. И оказалось, что практически всю тактическую группу я знал, кого-то лучше, кого-то хуже, но в лицо всех. Эту даму я тоже узнал и рефлекторно потёр скулу, именно туда Комарову когда-то от неё прилетело.

Увидев мой жест, она чуть дёрнула уголок губ, но, подойдя, стёрла улыбку без следа.

– Та-щ майор, разведгруппа прибыла в ваше распоряжение, старший группы капитан Сааринен.

Это были свои люди, волкодавы, в звании не ниже старшего лейтенанта. Вообще, именно тактическая группа всегда состояла исключительно из офицеров. Это в подразделениях армейской разведки в составе десантных групп крейсера или фрегата офицером был только командир в звании старшего или просто лейтенанта, реже младшего, а само подразделение укомплектовывалось сержантско-рядовым составом.

– Без чинов, Сара, – сжал я протянутую ладонь.

По очереди поздоровался с каждым. Кто-то дружески хлопал по плечу, кто-то ограничивался кивком, пожалуй, только одно лицо было мне незнакомо – старший лейтенант Якимура.

– Переведён из десанта на освободившуюся должность, – отрекомендовала молчаливого японца Сааринен.

Я глянул на неё:

– Освободившуюся?

Она только молча кивнула.

Тряхнув головой, я отбросил мрачные мысли. Одно было хорошо: теперь в моём распоряжении действительно подготовленная группа.

На нижней палубе, за шахтой лифта, по правому борту располагались кубрики десанта, по два человека в каждом. Сааринен я определил в тот же, где располагалась Седых, не без умысла, конечно. Официально – по причине половой сегрегации, а в основном – чтобы сержант поняла и примерила на себя, хочет ли она стать такой же, как Сара.

Ах да, временно всех, кто участвовал в нашем сумбурном рейде, до полного разбирательства прикрепили ко мне, засунув в этот же корвет, да-да, и всех курсантов в придачу, даже летуна, на мою голову.

Кинув сумку на койку, Сааринен махнула в сторону вещей сержанта:

– Чьё барахло?

– Сержант Седых, из местных.

Сара хмыкнула, скинула форменную куртку и ещё раз оглядела вещи соседки.

– А с какого перепугу сюда? Нет, ты не подумай, – она осклабилась, – если ты подружку решил притащить, твои дела. Мне так, для общей информации.

– Сара, Сара, ни такта, ни приличия, ты же девочка, а так выражаешься.

На мои слова она мгновенно ошетибилась и с угрозой в голосе произнесла:

– Слушай, Влад, я ведь не посмотрю, что ты командир, мы не в боевой обстановке, я тебе сейчас двину – мало не покажется.

Это упоминание о девочке, а также примеривание на неё разных женских атрибутов, типа платьев, юбок и так далее, бесило её неимоверно.

– Ну-ну, а в карцер за нападение на командира?

– Клала я на... твой карцер.

– Ладно, капитан, отставить разговорчики, – пришлось перейти на чуть более официальный тон, и я понял, почему ещё не люблю баб в подразделении – как раз из-за подобных выходов. В боевой обстановке, ясно, она будет молча выполнять приказы – они-то, как известно, не обсуждаются. Но в неформальной обстановке ей только дай поупражняться в злословии. – Сержант Седых – единственный выживший из взвода, первым столкнувшегося с чужими. Во-первых, она здесь как свидетель нападения на колонию и будет в таком качестве до конца расследования, а во-вторых, ей подписали рапорт о переводе на флот, так что пока она прикомандирована к «Стойкому» и временно зачислена в контрабордажную команду. – Я ткнул пальцем в Сааринен: – Будешь официально её наставником и в походе погоняй по максимуму, девочка, похоже, с характером, так что должна реально оценить, что её ждёт.

После разговора с Сарой я поднялся в кабину пилотов. Что было хорошо: во второй смене, как раз сейчас, пилотом был старший лейтенант Волков, закончивший ту самую православную Качу – Качинское высшее лётное училище, курсантом которого был Олег Пономарь. Он был тоже с «Новосибирска», хороший парень, мы с ним сдружились за время похода. Потом в Кубинке он учился в Военно-космической академии имени Можайского в классе лётчиков-навигаторов. У нас любой пилот имел неплохой налёт на всех типах малых кораблей, даже пилоты-навигаторы линкоров, естественно, те, что закончили военные вузы РЕС.

Зайдя в кабину, я остановился за креслом пилота. Кроме Волкова, больше никого не было. Справа находилось кресло второго пилота, слева – пост штурман-навигатора, справа сзади, за креслом второго пилота, располагался массивный пульт станции РЭБ с управлением активным постановщиком помех и системой маскировки. Опершись на спинку кресла, я смотрел, как Паша задумчиво в тестовом режиме гоняет навигационный комп.

– Здорово, крылатая гвардия. – Обернувшись, Волков кивком указал на соседнее кресло: – Присаживайся, рассказывай.

Пришёлся он мне здесь по душе. Спокойный, улыбчивый, компанейский. Был грех: раз после вахты, ещё на крейсере, под беседы о родине раздавили мы с ним пару бутылок сорокаградусной, горланя весь известный нам репертуар от «На востоке тучи ходят хмуро...» до «Комбата» «Любэ». На удивление, несмотря на давность песен, Волков их знал... Вот только наше выступление слушала вся палуба. Так что по поводу нарушения дисциплины я был вызван О'Киффом на проработку и уязвлён, отчитан, пристыжен. Наглая ирландская или шотландская, я не разбирался, морда тыкала на недостойное поведение старшего офицера и плохой пример команде. Стыдно, конечно, но душа-то требовала. В итоге договорились с Пашей, что следующий раз – на берегу, под шашлык и гитару. Особо любопытным сексотам, входящим к капитану без стука, пообещал, что ещё раз – и на стройке будут несчастные случаи. Те вроде поняли, дружно покивали як китайский болванчик.

– Да что рассказывать... – Я упал в кресло, откинулся, устраиваясь поудобнее. Повернул голову к Волкову. – Хреново всё, Паша. Фёдоров сейчас всем профилактическую клизму объёмом с ведро вставляет, наотмашь рубит, только головы отлетают.

Волков покачал головой:

– Крутой мужик, знаю. А что с нападением-то решили?

Я пожал плечами:

– Флот, сам знаешь, в готовности номер один. Наша 3-я флотилия окрестности шерстит, ну да ты циркуляр секретный по флоту видел. Ищут следы вторжения. А здесь всё непонятно. Так-то: только пришли, астропорт гробанули и ушли, но вот корабль этот...

– Согласен, опасная хрень. – Волков вывел на экран запись взлёта чужака, сделанную кем-то со стороны. – Видишь, какая динамика. Он размером с линкор, однако взлетает, как ракета. И дело даже не в том, что у него гравикомпенсаторы просто чудовищные должны быть, у него тяга маршевых запредельная. Насколько здесь силовая установка мощная, но даже нам нужно двигаться по параболической траектории, а у него строго вертикальный взлёт.

Волков замолчал, а я решил поделиться своими соображениями:

– Это всё, конечно, мои домыслы. Но как бы это не было первым этапом массированного вторжения. И линкор этот... Да ещё и нападение на лабораторный комплекс... Что там такого происходило? А может, это кто-то из инопланетян решил нам крылья подрезать? Выяснил о каких-нибудь исследованиях и решил физически их нам зарубить?

– Не знаю, Влад, не знаю. Хотя логика в этом есть. – Павел на минуту задумался. – Знаешь что, Влад, будет возможность, ты обратись к Бате, к Петру Михайловичу, он мужик серьёзный, не отмахнётся. Я его ещё по Можайке помню, он приезжал к нам лекции читать. А вообще... – Взгляд Волкова затуманился, и он переключился на любимую тему: – Батя знаешь какой человек?! У-у-у... К нему все наши рвутся.

М-да, о Бате я от Павла уже слышал, и не раз. Старинова во флоте уважали: гроза врагам, отец солдатам. Элита флота как-никак, адмирал Кинжал, как его прозвали за точные и смертельные удары.

– Слушай, – оживился Волков, – у меня вахта через полчаса заканчивается, давай партечку в шахматы, а? Я только Нытику вахту сдам – и готов. А то к кому здесь ни приставал, шахматы только издалека видели, да и то раз в жизни.

Тут вдруг защёлкал коммуникатор.

– Влад, это О'Кифф.

– Да.

– Мы с адмиралом через десять минут будем на «Стойком».

– Хорошо, иду. – С сожалением выбираясь из кресла, я хлопнул Волкова по плечу: – С шахматами уж как-нибудь потом.

Павел хмыкнул:

– Давай, как закончишь, заходи, по шахматам всё в силе.

Быстро сбежав по трапу на бетонку, я вежливо поприветствовал возникшего словно из ниоткуда старпома, мимоходом, однако, подумав: «И этот здесь, тоже выжил». Старпом, Фёдор Иванович Костюшенко, был деятелем хмурым и вечно недовольным, постоянно портя мне кровь на крейсере по поводу моих курсантов. На моё приветствие он только искоса глянул и едва заметно кивнул. «Ну и хрен с тобой, старая обезьяна», – подумал я. Привычно вытянулся, когда от приземлившегося «Утюга», упруго шагая, к нам направились две фигуры. Козырнув первым, старпом бодро отрапортовал:

– Та-щ адмирал, капитан второго ранга Костюшенко, разрешите обратиться к капитану первого ранга О'Киффу.

– Разрешаю.

Старпом повернул к Кернею:

– Та-щ капитан первого ранга, за время вашего отсутствия происшествий не было.

Оставив этих двоих разбираться со своими полномочиями, Фёдоров повернулся ко мне:

– Майор.

– Да, та-щ адмирал.

Тот дёрнул подбородком в сторону от корабля:

– Пройдёмся.

Я только кивнул в ответ, понимая, что наступает время для откровенного разговора.

Отойдя к краю астродрома, почти к самой спешно натянутой сетке, огораживающей периметр, Фёдоров долго смотрел в сторону ещё слегка дымящихся развалин астропорта, затем негромко произнёс:

– Вою поднимется... – И, обращаясь ко мне: – Майор, в общем, подробности тебе не нужны, но те, кто бил по нам, знали, куда бить. Мало того, наши инопланетные «друзья» каким-то образом пронюхали, что за объект тут находился, и теперь вся дипслужба Альянса носится как ужаленная. – Фёдоров ткнул пальцем в сторону астропорта: – Выкатили нам такую ноту... – Адмирал, став вдруг снова абсолютно спокойным, слегка цинично заметил: – Хотя мне-то, по большому счёту, наплевать. Меня больше заботит, кто это такие смелые и сколько у наших врагов ещё таких линкоров.

Разглядывая резкое, грубо очерченное лицо адмирала, который, прищурившись, продолжал смотреть куда-то вдаль, я негромко, уже не по-уставному спросил:

– Владимир Александрович, а что за объект?

Адмирал остро глянул на меня:

– Об объекте пока забудь, считай, не было никакого объекта. Влад, ты воин опытный, с чужаками столкнулся лицом к лицу, сам что думаешь о нападении?

Собравшись с мыслями и ещё раз прокрутив в голове все этапы скоротечного боевого контакта, я осторожно произнёс:

– Моё мнение: это была проверка наших оборонных способностей. Но возможно, обкатка нового оружия, техники. Я заметил, что не было ни единого контакта с биологическим противником, только автономные дроны да технозомби. И вероятно, они проводили натурные, так сказать, испытания этой технологии – превращения человеческих тел в оружие первого удара.

– Может быть, – сухо ответил Фёдоров.

– Вот только не почувствовав серьёзного сопротивления, они могут активизировать свои усилия. Этот линкор – слишком мощное оружие, чтобы держать его в качестве сил сдерживания. А если он ещё и не один, то надо готовиться к массированному вторжению. – Я замолчал, натолкнувшись на жёсткий взгляд адмирала.

– Не ты один, майор, такого мнения, не ты один. Ладно, – Фёдоров резко мотнул головой, – я тебя услышал. Но пока ты с О'Киффом займёшься другими вопросами. Какими, я вам объясню чуть позже. А пока обживайся на новом месте, думаю, ты с этим корветом надолго.

Интерлюдия 2

Красный гигант, плюющийся протуберанцами, казалось, находился на расстоянии вытянутой руки. Прикрытый мощными светофильтрами, он смотрелся почти бордовым, бросая багряные отсветы на находившихся здесь мужчин. Удобно устроившийся в кресле, глава всемогущей организации, признанной террористической даже собственным правительством, известный абсолютному большинству как Экселенц, раскурил трубку, с удовольствием вдыхая сладковатый дым. Это была его вотчина, его крепость, в которой он себя чувствовал вполне вольготно. Второй усмехнулся:

– Мне иногда кажется, что ты отсюда никогда не выходишь. Когда бы я здесь ни появился, ты сидишь в своём кресле и дымишь трубкой.

Экселенц, положив руку с зажатой в ней трубкой на подлокотник, глубокомысленно ответил:

– Друг мой, ничто так не успокаивает и не очищает разум, как это зрелище. Но это же не единственное, что ты хотел спросить?

– Нет, не единственное. – Мужчина почти вплотную подошёл к экрану и, сложив руки на груди, некоторое время смотрел на шар термоядерного огня. – Новая Земля.

Экселенц склонил голову набок, с нового ракурса разглядывая посланца.

– Что – Новая Земля?

– Не прикидывайся. – Мужчина резко развернулся: – Тебе прекрасно известно о нападении на Новую Землю. Совет крайне обеспокоен. Русский флот в двухчасовой готовности, шерстит все прилегающие системы. Фёдоров хоть и перестраховщик, но отнюдь не дурак. Незвестный линкор походя разносит всю нашу оборону и уничтожает объект, а глава «Феникса» спокойно сидит и любит картинками. – Посланник нервно прошёлся, бросая на молчащего Экселенца гневные взоры. – Послушай, – продолжил он, – в «Феникс» было вбuxано столько средств, столько усилий по прикрытию! Да одну только дезу, что «Феникс» абсолютно самостоятельная террористическая организация, не подчиняющаяся Альянсу, разрабатывали полгода! Тебе напомнить для чего? – Мужчина всматривался в безмятежное лицо Экселенца. – Мы создали «Феникс» для того, чтобы разрабатывать любые способы защиты Земли и человеческой расы. Любые, даже стоящие за гранью добра и зла. Потому что в вопросах выживания расы не может быть этики, благородства и запрещённых приёмов. И Альянс требует действий. Мы закрываем глаза на многое. Замяли даже дело с пропавшей разведгруппой американского флота.

Экселенц, глубоко затянувшись, выпустил струю дыма, оценивающе посмотрел на разгневанного посланника Земного Альянса.

– Ты о разведгруппе контр-адмирала Дика? Вам надо было вовремя завернуть его с расследованием. Страшного ничего не случилось, ему всего лишь стали известны сведения первого уровня секретности, но его разведгруппу пришлось срочно убирать. Или вам хотелось, чтобы кто-нибудь добрался до информации второго уровня?

Мужчина, отвернувшись, через силу выдавил:

– Нет. Поэтому дело и замяли.

– Плохо замяли. Дик сейчас на Нулевом Море и просит помощи у алиенов. Ты понимаешь, что будет, если им хоть краешком удастся заглянуть за второй уровень? И выяснить, что за «Фениксом» стоит Альянс?

– И что ты предлагаешь? Это контр-адмирал, ему так просто рот не заткнуть, да и флот традиционно не любит вмешательства в свои дела. Пойдут разговоры, слухи.

– Тогда им займётся «Феникс». – Экселенц спокойно смотрел на посланника, резко замолчавшего.

Он застыл, крепко о чём-то задумавшись. Через некоторое время со вздохом посмотрел на главу «Феникса».

– Будь по-твоему. Действуй, как сочтёшь нужным.

Экселенц по новой раскурил трубку, вдыхая аромат табака.

– Хорошо. По поводу Новой Земли. Мои люди уже работают. Сейчас изучают остатки наших уничтоженных кораблей и часть захваченного оружия противника. С уверенностью могу сказать, что это не похоже на технологию известных нам видов. Таких у них нет. Голословным пока быть не хочу, как будет какая-то конкретика, информацию направлю.

– Я передам Совету. Если необходимо дополнительное финансирование, дайте знать. Процедура такая же: разместим большой оборонный заказ, победителем будет известная вам фирма.

Экселенц кивнул и взглянул на часы.

– Думаю, неотложные вопросы мы обсудили. Не смею задерживать.

В ответ на это посланник саркастически хмыкнул:

– Узнаю прежнего хама. Ладно, не кашляй.

Проводив взглядом уходящего посланника, Экселенц негромко поинтересовался:

– Мастер, ты здесь?

– Да, – прозвучал бесплотный, с механическими нотками голос.

– По Новой Земле.

– Ты прав, это начало, – ответил голос.

– А кто они?

– Основная угроза – линкор. Мы уже думаем над этой проблемой.

– Что требуется от меня?

– Ничего. Только соблюдение инструкций. Помни, третий уровень неприкосновенен.

Экселенц, несмотря на всю свою невозмутимость, нервничал каждый раз при разговоре с Мастером. Слишком чуждым он иногда ему казался. Ища успокоения, он снова стал разглядывать меняющуюся поверхность местного светила. Красный гигант потихоньку умирал, остывал вот уже на протяжении миллионов лет. И будет остывать так ещё миллионы лет, пока не умрёт окончательно. Но всё равно в человеческом понимании до его конца была вечность.

Через несколько минут нервозность стала проходить, уступая место спокойствию. Щёлкнув коммуникатором, Экселенц произнёс:

– Мак, найди.

Появившийся высокий брюнет, в ладно скроенном костюме, сверкнув стёклами очков, которые привык носить на старомодный манер, безмолвно замер подле кресла, ожидая распоряжений шефа. Моложе на добрых двадцать лет, он, однако, давно уже успел доказать свою полную лояльность, и не было у Экселенца ближе соратника в «Фениксе», чем этот скрывавшийся под коротким псевдонимом Мак человек.

– Контр-адмирал Дик, – без предисловия начал Экселенц, – сейчас на Нулевом Мире. Ему стали известны сведения первого уровня. Необходимо выкрасть и установить, откуда у нас утечка информации. В методах допроса можете не церемониться, мне важен результат.

Не дрогнув ни единой мышцей лица, мужчина лишь уточнил:

– Ещё что-то?

– Нет.

Оставшись один, Экселенц закрыл глаза, откидываясь в кресле. Усмехнулся про себя: «Когда я умру, на мою могилу набросают кучу мусора. Но ничего, ветер истории развеет её».

Глава 3

С любым коллективом всегда сложно, особенно если он изрядно разбавлен маленькой, но доброй порцией элиты десанта в лице десяти матёрых волкодавов. Старпом уже приходил жаловаться. С вечной миной недовольствия, он долго и нудно перечислял все прегрешения моей команды. И о напуганных до икоты навигаторах, и о разбитой панели БИЦа, и о том, как его самого в заложники брали, в общем, много чего. Выслушав, я пообещал, что разберусь. С серьёзным видом покивал на нравоучения Костюшенко о недопустимости подобного поведения на корабле, морализатор из него ещё хуже оказался, чем из О'Киффа. С панелью БИЦа, конечно, не очень хорошо получилось, за это, пожалуй, публичную экзекуцию я им устрою. Специально для старпома, пусть порадуется. Хотя надо же ребятам где-то тренироваться. Им, может статься, «Стойкий» от вражеского десанта оборонять, и практические натурные тренировки – лучшее подспорье для выявления узких мест. Разделившись, тогда отрабатывали имитацию захвата БИЦ, кто-то в горячке и заехал локтем, расхреначив несчастную панель.

Сейчас, выгнав «Циркон» на середину палубы, под пристальным наблюдением Сааринен группа отрабатывала действия при возникновении боевого контакта с противником. Как оказалось, «Циркон» – машина новая и хотя уже запущена в серию, но далеко не все подразделения, даже спецназначения, ею укомплектованы. Массово, в войсках, до сих пор применялась «Пустыня», а у них с «Цирконом» различия очень серьёзные, как в компоновке, так и в самой концепции применения. «Пустыня» – это стопроцентная БМП, призванная доставить пехоту к полю боя, ну и, располагаясь метрах в двухстах за спиной пехоты, поддержать её огнём. «Циркон» в корне менял эту концепцию. Во-первых, мощное 135-мм орудие с большим углом возвышения и высокой скоростью вращения башни благодаря качельному механизму обеспечивало большую точность стрельбы с ходу, позволяя поражать низколетящие цели типа атмосферных штурмовиков. Во-вторых, высокая скорость и проходимость, включая штатную систему десантирования с экипажем и систему посадки «Реактавр», позволяла буквально высаживаться на голову противника, сразу по приземлении вступая с ним в огневой контакт. Мало того, отдельные виртуозы на тренажёре умудрялись, нештатно используя систему «Реактавр», уклоняться от выстрелов противника, подпрыгивая, и преодолевать рвы, валы, поверхность с большой разностью высот. И в-третьих, установленный ГГВ питал силовые щиты, способные выдержать несколько попаданий ручных УР и тяжёлых полевых орудий. В итоге при массовом применении «Циркон» был сродни танковым подразделениям моего времени, а в одиночку это была великолепная разведывательно-диверсионная машина для действия в оперативном тылу противника.

Остановившись у грузового лифта, я опёрся плечом о металл переборки. Кожу чуть за холодило через тонкую ткань форменной куртки. Мой взгляд остановился на Сааринен, стоявшей подле «Циркона» с секундомером в руке.

– Противник! – злым, резким голосом рявкнула она, щёлкая секундомером.

В ту же секунду ствол орудия дёрнулся вверх, переходя в боевое положение.

– Воздух, на девять часов!

Взвизгнув, башня повернула влево, выискивая цель. Тут я обратил внимание на развешанные по стенам фотоэлектрические мишени. Из ствола на секунду упёрлась в мишень точка маломощного лазера.

– Земля, два часа, групповая!

Доворот, и лазер по оси ствола упёрся в первую мишень, затем лазер, имитирующий пулемёт, полоснул по двум соседним.

Я видел, как Сара морщится, делая отсечки по времени. На мой взгляд, норматив выполнялся, хотя ещё, конечно, нужно сравнить точность попаданий. Но это общий норматив, для действий одиночным порядком этого может быть недостаточно.

– Покинуть БМД!

Почти синхронно бортовые люки распахнулись, выпуская наружу десантников в полной боевой броне. Рассредоточиваясь, они заняли круговую оборону.

– Стоп! – Сделав финальную отсечку, Сааринен высветила результаты на планшете. – Все ко мне!

Отлипнув от стены, я тоже подошёл. Как заму по боевой подготовке Саре цены не было. Моё-то место при таком раскладе – в командирском кресле БМД сидеть, руководить боем и контролировать обстановку, занимаясь, так сказать, стратегией, а не вести за собой в атаку, а вот задача Сааринен – как раз тактическое руководство. Бросив короткий взгляд в мою сторону, она слегка кивнула, но строить группу не стала: при проведении практических занятий команда «смирно» не подаётся. Постучав по борту «Циркона», она скомандовала:

– Экипаж, к машине! – и выгнала из неё скупающего мехвода, стрелка-радиста и наводчика.

Первые два мне были незнакомы, тоже, наверное, из переведённых с адмиральского флагмана и приданных «Стойкому», а вот третьей была сержант Седых. Я одобрительно кивнул, пусть учится приносить пользу.

Парни, снимая шлемы и закрепляя оружие на спине, обступили капитана. Лица у всех покрасневшие, потные, похоже, пару часов в броне, то-то система кондиционирования уже не справляется. Однако никто не протестует, все серьёзные. Я снова порадовался, что Фёдоров направил профессионалов. С такими парнями работать одно удовольствие.

Под одним из шлемов закономерно оказалось довольное, как у кота после литра сметаны, лицо Жолондзевского – напросился-таки. Сегодня же отправлю его на флагман, к остальным. Жолондзевский последним из находившихся со мной курсантов оставался на «Стойком». Парню за счастье было поучаствовать в тренировках спецназа, да и группа его хорошо приняла, вот он и отрывался напоследок, будет что в училище рассказать. Не удержавшись, я потрепал его по волосам, молодец парень, такой практикой, как у него, вряд ли кому-то удастся похвастаться. Отзыв на него, как и на других парней, я подготовил и собирался направить их начальнику кафедры. Жолондзевский обернулся и, увидев меня, расплылся в улыбке. Чуть кивнув, я глазами показал на Сару, чтобы слушал, не отвлекаясь, и сам переключил внимание на Сааринен. Она вела пальцем по зафиксированным результатам тренировки.

– Сержант Седых, результат неплох, для пехоты. Все цели поражены, точность наведения около восьмидесяти процентов, время по нормативу. Но для десанта этого мало, особенно в условиях отрыва от основных сил, а нам именно так воевать и придётся. Так что тренировки и ещё раз тренировки. В любое свободное время, хоть со мной, хоть без меня, – на тренажёр или в машину и отрабатывать наводку по целям. Вопросы есть?

Кара отрицательно мотнула головой. Пожалуй, устала она не меньше остальных, лицо было осунувшееся, даже глаза, казалось, потускнели, однако выражение упрямства всё равно с него не сходило. И это был хороший знак. Именно таких, упорных и безжалостных к себе, в спецназе любят.

– Теперь остальные. Отдельно каждого разбирать не буду, свои ошибки вы видели сами, скажу одно: время, камрады, время. Слишком долго. Знаю, машина новая, это не «Пустыня», компоновка иная, кто-то с непривычки за что-то зацепился, кто-то с кем-то столкнулся, всё понимаю, но это не оправдание. Пока вы будете вылезать, БМД будет стоять и отсвечивать без возможности манёвра, а это не есть гут. А нам ещё десантирование на ходу отрабатывать.

Народ зашумел. Впрочем, без особого наезда на старшую, больше высказывали свои соображения и предложения.

– О'кей, камрады. Вечером соберёмся и обсосём, как лучше всё сделать. А пока разоблачайтесь – и в релакс. А вы, – Сара ткнула в мехвода и радиста, – загоняйте машину в бокс. А потом на тренажёр, я ещё не уяснила, что вы умеете и как вы это умеете.

Те обречённо переглянулись и полезли в «Циркон», с капитаном хрен поспоришь, да и здоровье не казённое.

Десантная группа, на ходу расстёгивая замки брони, потянулась в оружейку. «Циркон», деликатно рыкнув, аккуратно сдал назад, выворачивая и заруливая в бокс, а Сара с планшетом в руках застыла передо мной.

– Кинешь мне результаты с записью, тоже посмотрю.

Она кивнула.

– Как тебе в целом?

Капитан пожала плечами:

– В целом неплохо. Новичок на уровне, тянет, остальные, как всегда, хорошо. Машина – конфетка, парни, когда освоятся, будут как пробка из бутылки выскакивать. Кару подтянем, в основную группу ей пока нельзя, но в качестве артподдержки она неплоха. Что ещё? Ах да, было бы неплохо, чтобы и командир иногда отрывал жопу от койки и принимал участие в групповой тренировке. – Она хитро глянула на меня, давая понять, что это как бы шутка.

– Оторву, обязательно оторву, только не, как ты выразилась, жопу, а чей-то не в меру болтливый язычок.

Сара рассмеялась, потом посерьёзнела.

– Ладно, командир, я пошла этих двух чудиков погоняю, «папаша», конечно, плохих не дал бы, но чем они дышат, я должна знать.

Я посмотрел ей вслед. Она была права, что от команды отрываться мне не следует.

Вдруг по всему кораблю взвыли сирены. Ожил бесстрастный голос ИИ:

– Боевая тревога. Корабль к бою и походу изготовить!

Я переглянулся с выскочившей из бокса Сааринен. Экстренный выход корабля? Отрицательно мотнул головой на её немой вопрос. Причина самому мне была неясна. Вспомнив о курсанте, крикнул Саре:

– Жолондзевского с вещами готовь! Пилоту «Утюга» – чтобы был готов быстро перебросить парня на флагман. Я к командиру.

Она коротко кивнула, резко разворачиваясь так, что взметнулись полы куртки. А я рванул к подъёмнику. Выскочив на первой палубе, увидел возле рубки связи О'Киффа. Хмурый кэп что-то втолковывал старпому, но, увидев меня, махнул призывно. Отпустив Костюшенко, подхватил меня под руку, уволаскивая за собой к пульту гиперсвязи. На ходу быстро объяснил ситуацию:

– Влад, хорошо, что подошёл, я уже хотел тебя вызывать. Адмирал на связи, требует срочно.

– Зачем я ему?

О'Кифф пожал плечами:

– Этого он мне не объяснял.

– Ладно, – махнул я рукой, Фёдоров сам всё сейчас объяснит.

Связь с флагмана включилась мгновенно, и мы, вытянувшись, козырнули голограмме адмирала. Капитан доложил:

– Та-щ адмирал, майор Комаров.

– Вольно. – Фёдоров взглянул исподлобья. – Майор, пришёл приказ с самого верха: «Стойкого» максимально быстро доставить на Нулевой Мир, все материалы и свидетелей по нападению – на колонию. На тебе задача обеспечения сохранности. Особенно при передаче СБ Нулевого Мира. Отвечаешь головой, понял?

– Так точно, та-щ адмирал! – бодро отрапортовал я.

Фёдоров переместил взгляд на каперанга:

– Сколько вам необходимо времени на подготовку?

– Полчаса, та-щ адмирал.

Адмирал одобрительно кивнул:

– Хорошо. Сразу по готовности идёте на Нулевой Мир. В походе режим полного радиомолчания, у Нулевого Мира по указанной частоте свяжетесь с нашим соединением, они обеспечат эскорт, прикроют вас, если что. Частоты вам сейчас передадут по шифрованному каналу. Не задерживайтесь, назревает дипломатический скандал. Пока не поздно, мы должны успеть предоставить своё видение произошедшего. Вопросы есть?

– Разрешите? – чуть выдвинулся я вперёд.

– Разрешаю.

– На борту курсант Жолондзевский, он должен был с вашей эскадрой вернуться на «Дальний-1» для завершения практики...

Адмирал нетерпеливо рубанул рукой, прерывая меня:

– Отменяю, курсант, как свидетель событий на Новой Земле, идёт с вами на Нулевой Мир. Ещё вопросы есть?

– Никак нет, – ответил за обоих О'Кифф.

– Выполняйте. – И Фёдоров отключился.

– Вот так, Влад, – резюмировал О'Кифф распоряжение командования. – Руки в ноги и побежали. Ты это, – посмотрел он на меня, – выстави пост у камеры с вещдоками, на всякий случай. Мне как-то спокойней будет.

Я кивнул:

– Выставлю, не сомневайся.

– Ладно. – Развернувшись, О'Кифф скорым шагом направился прочь. – Я на мостике, как пройдем портал, загляни ко мне. Есть разговор.

– Хорошо. – Оставшись один, я по внутренней связи вызвал Сааринен. – Сара, – начал я без предисловий, – организуй пост у камеры с вещдоками. Жолондзевскому отбой, приказом адмирала идёт с нами. – И отключился, услышав подтверждение от капитана.

Невольно обратил внимание, как чаще забилося сердце: Нулевой Мир – легендарная космическая станция, почти искусственная планета, этакий реальный, а не киношный «Вавилон», построенный неизвестно кем и когда. Площадка для мирных встреч и диалога всех разумных видов известной Галактики, а также место третейского суда трёх самых сильных видов алиенов, которые, опираясь на мощные флоты, взяли на себя обязанность поддержания мира в Галактике. И теперь мы идём туда.

На мостике кипела работа, шли последние тесты систем корабля, посты поочередно докладывали о готовности. Глядя на бросавшего короткие команды О'Киффа, я невольно залюбовался человеком, который был, что называется, на своём месте. Прислонившись к переборке, встав так, чтобы не мешать остальным, с удовольствием наблюдал за слаженной работой команды. Голографическая схема «Стойкого» переливалась изумрудными огнями штатно работающих систем. Когда последняя была протестирована и было получено подтверждение полной готовности корабля, вместо схемы палуб высветилась голокарта освоенного космоса, закладывая маршрут прохода порталов. Ещё раз раздался сигнал тревоги.

– Волков, маршрут проложен, «Стойкому» сход с орбиты.

– Есть, – отозвался пилот.

По кораблю прокатился низкий гул набравших тягу двигателей. Низкочастотная вибрация отдавала в зубы, её не могли погасить даже гравикомпенсаторы. Я невольно поморщился: до сих пор не могу привыкнуть, ощущение, что ещё немного – и зубы повыпрыгивают из челюсти, хорошо только, длится это недолго. Одновременно с утихшей вибрацией раздался голос пилота:

– Тяга в норме, три минуты до прыжка.

Сверившись с хронометром – на его руке сквозь окно в облегчённом лётном скафандре блеснул хромированный кругляш с кожаным ремешком, ещё одна корабельная традиция, – О’Кифф сделал краткую запись в бортовой журнал. Подняв голову, скомандовал:

– Прыжок по готовности. Ещё раз напоминаю о полном радиомолчании. К порталам подход в режиме маскировки, по всем замеченным кораблям доклад немедленно. Посту РЭБ: до специального распоряжения только пассивное сканирование. По кораблю: повышенная боевая готовность, уровень тревоги – жёлтый.

В этом отлаженном механизме я был откровенно лишним, поэтому, тихо развернувшись, покинул мостик и спустился в свою каюту: за эти несколько дней до станции надо очень вдумчиво изучить всю доступную информацию о нашем месте назначения.

К Нулевому Миру мы вышли в 12.30 по корабельному времени. В лётном скафандре без шлема, то и дело поглядывая на часы, О’Кифф метался по мостику, как рассерженный тигр в клетке. Будь у него хвост, он сейчас мотал бы им из стороны в сторону и бил по бокам, показывая крайнюю долю раздражения. Команда старательно прикрывалась БИЦем, воткнув морды в мониторы, изображая кипучую деятельность, один лишь старпом стоически терпел, находясь подле капитана.

Поднявшись на мостик, я поприветствовал офицеров. Сдержанно пожал руку Костюшенко. Тот, ощутив под пальцами жёсткое волокно перчатки, удивлённо воззрился, увидев на мне вместо такого же, как и на нём, скафа, полный комплект полевой брони, отвернулся, и будь я проклят, если не услышал тихий хмык от этого без пяти минут пенсионера-отставника. Упрямо двинув челюстью, я шевельнул плечами, ощущая привычную тяжесть брони – это действовало на меня успокаивающе, – положил правую руку на шлем, висящий на специальном зацепе на поясе. Слева на поясе брони в замках покоился табельный пистолет, увидев который старпом снова якобы в приступе удивления округлил глаза. Ох уж мне это чванство потомственного флотского в лице Костюшенко, он-де – Флот, именно так, с большой буквы, и на корабле ходит в недостижимых вершинах, а мы – десант, по грязи на брюхе ползаем. От желания дать ему в лоб спасло только то, что на встречном галсе нас заметил О’Кифф. Остановившись подле, сдал ладонь, я даже сквозь перчатку почувствовал хватку, в крепком рукопожатии. Нетерпеливо постукивая носком ботинка, он практически зарычал:

– Влад, представляешь, полчаса, как сигнал эскорту отправили, и тишина. Нет, ты понимаешь, меня тут за яйца взяли, шаг вправо, шаг влево, хренова секретность, а эскорта нет! Связь по открытому каналу запрещена, по спецчастоте только односторонний сигнал! Болтаемся здесь, как корыто в штиль!

Последовавший за этим краткий перечень морских терминов я выслушал с лёгким удивлением. Вот уж не знал, что флотский матерный ещё надводного флота до сих пор в ходу. Каперанга прервал взволнованный голос оператора РЭБ:

– Командир, регистрирую гравитационную аномалию, три точки выхода, в ста километрах от нас!

Мгновенно взлетев на командирский пост, О’Кифф, ухватившись обеими руками за поручень, наклонился, сосредоточенно вглядываясь в услужливо выведенную на БИЦ картинку с грависканера. Оглянулся на меня, пробормотав:

– Может, и эскорт. – Но тут же повысил голос, командуя: – Боевая тревога! Щиты на максимум! Орудийный пост, готовность к открытию огня! Двигатели на разогрев – готовность к манёвру уклонения! Посту РЭБ: постановка помех, готовность к отстрелу тепловых и гравитационных ловушек!

По кораблю прокатились баззеры тревоги. «Ох, непуганные здесь комендоры», – подумал я, глядя на суетящихся в лётных скафах, но без шлемов флотских. Ладно, во время прыжка или рутинного похода. Но сейчас, в условиях боевой тревоги, никто и не думал облачаться,

пристыковывать шлемы, привыкли полагаться на гравигенераторы, которые в случае пробития обшивки смогут удержать внутри атмосферу. А вот выйдут гравигенераторы из строя – и всё, амбец экипажу. Но похоже, об этом здесь как-то не задумываются. И ладно бы Костюшенко, он хоть и опытный офицер, но непосредственного огневого контакта с противником у него, насколько я знаю, не было, но О'Кифф-то, О'Кифф! Или здесь традиции флота: в бой при параде? Не пойму.

После отзвучавшего баззера я аккуратно надел шлем, до щелчка, оставляя открытой только вентиляционную прорезь напротив губ, в случае скачкообразного падения давления автоматика тут же загерметизирует броню, запуская замкнутый цикл. Кислородные кассеты, полностью заправленные, были проверены лично мной и переустановлены в небольшой горб между лопаток. На что я уловил ещё один косой взгляд старпома. Усмехнулся под шлемом: прослышу, похоже, параноиком. Ну и хрен с ним, у меня все бойцы сейчас в броне и с оружием, в полной готовности отразить возможное нападение.

– Внимание, появление целей!

На радаре замерцали три синие точки, сбоку от них высветились параметры: удаление, скорость, вектор движения. Подойдя ближе, я с интересом всмотрелся в картинку: синяя подсветка, как я знал из теории, – это неопознанные цели, красная – враждебные, зелёная – дружелюбные.

– Визуальный контакт.

Всплывший голоэкрэн показал переданное мощной оптикой «Стойкого» изображение неизвестных. Всмотревшись в угловатые конструкции, О'Кифф чуть расслабился, это явно были крейсеры земной постройки.

– Идентификация произведена, – проснулся бортовой ИИ, успевший уже обменяться с кораблями идентификационными кодами. – Крейсеры американского флота «Миссисипи» и «Йорктаун», фрегат «Нокс».

– Связь, быстро! – резко рявкнул О'Кифф, выпрямляясь.

Изображение на экране сменилось на панораму ВИЦ крейсера. Посреди панорамы торчал натуральный негр, лет сорока, капитан, на их английский манер. «Коренной?» – подумал я, угадывая его социальную принадлежность.

– Старший группы эскорта капитан Лэм, крейсер «Миссисипи», – представился наш визави.

А я похвалил себя за наблюдательность. В Америке сейчас темнокожих процентов шестьдесят? И все себя считают коренным населением. Впрочем, сколько лет-то уже прошло, да и Африка давно уже не та.

– Капитан первого ранга О'Кифф, корвет «Стойкий». Прошу подтвердить полномочия! Согласно кивнув, Лэм отдал команду на пересылку кода. Снова проснулся ИИ:

– Полномочия подтверждены.

Окончательно успокоившись, О'Кифф дал отбой тревоге. Эскорт тем временем занял позиции в охранном порядке, расположившись треугольником вокруг «Стойкого».

– Капитан Лэм, я хотел бы выяснить наши дальнейшие совместные действия.

Негр, как я по привычке нетолерантно называл чернокожих, понял недосказанность в словах капитана «Стойкого», чуть прищурился и слегка недовольным тоном произнёс:

– Никакой неопределённости, капитан О'Кифф, у меня чёткие указания штаба флота: с этого момента командование эскортом переходит к вам. Наша же задача: обеспечить любыми средствами беспрепятственное достижение вами Нулевого Мира. Поэтому командуйте.

Плотный ордер эскорта прикрывал «Стойкий» до самого момента докования. Только когда корвет полностью прошёл силовую завесу, Лэм, получив от О'Киффа подтверждение и напоследок всё-таки, несмотря на лёгкое недовольство, пожелав удачи, развернулся и прыгнул прочь от Нулевого Мира, оставив нас разбираться с местной СБ.

На ходу одёргивая подогнанный по фигуре китель, я поднялся на мостик. Мне вместе с О'Киффом предстоял поход к послу Альянса на Нулевом Мире от РЕС Сулимову. Я покрутил шейю – стоячий жёсткий воротник с непривычки слегка натирал кожу. Пальцами нежно огладил ребристую поверхность табельного пистолета в тактической кобуре, крепившейся слева. Рукоять удобно легла в ладонь – я проверил, как пистолет выходит из кобуры. Вот ничего не могу с собой поделаться, люблю оружие, ещё там, в прошлой жизни, не пропускал мимо себя никакую железяку. ПМ понятно, из него не стрелял только ленивый, вот ТТ уже был более редким экземпляром, его ещё можно было найти у СОБРов да у нас в Управлении ОСОМ, но больше нигде на вооружении он не стоял. Нравился мне и наган, трофейный, отнятый у бандюков, револьвер с историей, тут ничего не скажешь. Иной раз диву давался, какие раритеты порой обнаруживались у криминала.

На мостике О'Кифф составлял вместе с Костюшенко расписание вахты по кораблю, определяясь с очередностью увольнений на Нулевой Мир. Я успел застать окончание разговора:

– Нет, что ни говори, а оба пилота останутся на «Стойком».

О'Кифф рубанул рукой, отменяя возражения и оставляя за собой последнее слово. Костюшенко лишь пожал плечами, ему оставалось только согласиться. С отсутствующим видом старпом мазнул по мне взглядом и, отвернувшись, делая вид, что не заметил, не здороваясь, ушёл в рубку к пилотам, видимо, чтобы «обрадовать» их решением капитана. А О'Кифф, увидев меня, обрадовался на самом деле:

– А, Влад, отлично. Сулимов уже нас ждёт, ему удалось добиться внеочередного созыва Совета Нулевого Мира в связи с нападением на Новую Землю. Осталось часа три до заседания, так что поторопимся.

О'Кифф был при параде. Я оглядел форменный китель с наградными планками, офицерский кортик на левом боку, табельный пистолет на правом и завистливо цокнул языком. Несмотря на свою изначальную принадлежность к десанту, О'Кифф, окончив впоследствии, по старой памяти называемое «мореходным», Высшее командное училище В КС, сумел пропитаться лоском, присущим кадровым флотским офицерам, слывшим педантами и аккуратистами. Идеально сидевший китель, без единой морщинки, планки, выверенные до миллиметра, перчатки, белоснежные, как свежее выпавший снег... И во всём этом чёткость и скупость движений. Мне до такого было расти и расти.

– Ну, время не ждёт. – Отдав последние распоряжения, О'Кифф сверился с показаниями ручного хронометра и направился к шлюзовой камере, надевая форменную фуражку.

Поправив за козырёк свою, я двинулся следом. Спустившись на лифте, мы оказались в зоне таможенного досмотра СБ. Внимательно оглядевшись, я отметил прикрытые люками турели, мобильные летающие сканеры и очень много майларов в броне и с оружием. Похоже, работка у СБ весёлая, не ради нас же столько народу понагнали. Через минуту к нам в сопровождении двух вооружённых охранников подошёл майлар в униформе без знаков различия.

– Таможенный контроль, – проскрипел он своим фирменным голосом. Что характерно, не на общегалактическом, а на универсальном Альянса. То ли знак уважения, то ли, наоборот, презрения. Нелюдей не поймёшь.

– Капитан первого ранга О'Кифф, корвет «Стойкий», – протянул кэп свою идентификационную карточку.

Я заметил, как майлар цепким взглядом впился в неё. Идентификационная карточка имеет сенсор, настроенный на несколько параметров владельца, подделать можно, но крайне сложно, однако можно украсть и, надев специальные накладки на пальцы, обмануть сенсор. Вот именно такие накладки майлар и высматривал, но, не увидев ничего подозрительного, провёл по ней сканером и, сделав пару отметок в планшете, обратил внимание на наше оружие. Узловатый палец ткнулся в кортик на боку.

– Нерегламентированное оружие? – В голосе таможенника слышалась настороженность. На вид кортик не особо опасен, особенно при наличии пистолета, но, похоже, в имевшейся у него базе данных кортик был помечен как предмет вооружения. – Офицерам Альянса на Нулевом Мире разрешено ношение только табельного оружия. – Майлар ткнул пальцем в пистолет: – Это табельное оружие, а это, – перевёл он палец на кортик, – не табельное.

– Это не оружие, это элемент парадной формы офицера флота Земного Альянса, – терпеливо объяснил О'Кифф.

Покопавшись в планшете, майлар удовлетворённо кивнул и потерял к кортику интерес. Вот что-то, а что такое воинские традиции и парадная экипировка, им объяснять не надо, с их-то насквозь милитаризованным обществом.

Мне кажется, они спокойно пропустили бы нас, будь у нас в руках полутораметровый двуручный меч с волнистым лезвием, если бы он тоже был частью парадной формы.

Переведя взгляд на меня, таможенник снова проскрипел:

– На Нулевом Мире табельное оружие разрешено только старшим офицерам корабля.

– Это старший офицер, командир десантной группы, – опять не менее терпеливо пояснил О'Кифф.

Я протянул свою идентификационную карточку и представился:

– Майор Комаров.

Сверив данные, таможенник махнул своей команде и, потеряв к нам интерес, ушёл. Я бросил косой взгляд на О'Киффа, слегка удивлённый такой бесцеремонностью. Тот криво ухмыльнулся:

– А что ты хотел, здесь нас не особо любят, особенно они, – посмотрел он вслед майлару. – Да как, собственно, и мы их.

Я едва заметно кивнул: были у нас с майларами конфликты интересов, так скажем, и взаимная неприязнь порой принимала очень опасные формы. А ещё я понял, почему кэп так спокойно и терпеливо отвечал на вопросы: не хотел, чтобы неосторожно сказанное слово вылилось в конфликт.

– Ладно, пошли в посольство, Сулимов уже, поди, места себе не находит...

Двери посольства разъехались, представляя нашему взору мечущегося возле входа посла. «М-да, какой скользкий и неприятный тип». Я разглядывал невысокого человечка перед нами и не мог отделаться от чувства брезгливости. Он был словно холодная и скользкая рыбина, после соприкосновения с которой все ладони остаются в слизи и чешуе. Посол был ниже на голову нас, поэтому ему приходилось заглядывать нам в лицо снизу вверх. Он, заложив руки за спину, подошёл к нам почти вплотную с плотно сжатыми от сдерживаемого недовольства губами. Потом вздёрнул подбородок:

– Опаздываете. Я всегда считал, что офицерам флота свойственна пунктуальность.

О'Кифф демонстративно посмотрел на хронометр, затем снова на посла и ничего не ответил. Я отвернулся, разглядывая висящие при входе картины в духе воинствующего супрематизма. Различные геометрические фигуры ярких, несочетаемых цветов отчаянно грызлись между собой за пространство на холсте. Не поверив, я подошёл ближе, разглядывая фактуру. Действительно – холст, действительно – масло. Я аккуратно провёл по краске пальцами, ощущая наложение её разных слоёв, широкие мазки слабо выделялись, похоже, использовалась мягкая широкая кисть. В одном месте палец зацепился за небольшой бугорок. Присмотревшись, понял – волосок. Так и остался, не замеченный художником.

– Я вам не мешаю?! – послышался язвительный голос за спиной.

Вернувшись к реальности и обернувшись, я увидел красное от гнева лицо Сулимова, подумал с лёгким удовлетворением: «Давай, давай, дёргайся, какой-то шпак нонкомбатант, а нам ещё тыкать на пунктуальность пытается». Молча, игнорируя посла, я отошёл от картины,

вставая рядом с кэпом. Ситуацию разрядил О'Кифф. Взяв Сулимова под локоток, прогудел, нарочито добродушно:

– Ну, ну, не будем ссориться, сейчас есть дела поважнее, в конце концов, мы все на государственной службе и все усилия сейчас должны направить на одно: скорейшее решение по нападению на нашу колонию.

Посол чопорно кивнул:

– Вы, как всегда, правы, капитан. Не будем же терять драгоценное время.

Поверх прилизанной головы О'Кифф переглянулся со мной, его иронический взгляд говорил, что он и сам не прочь поставить коротышку на место.

Эх, Нулевой Мир, Нулевой Мир, никак нет времени полюбоваться твоими красотами! К сожалению, пока все наши передвижения по станции – это забеги от одной точки до другой...

Через полчаса мы были в Зале Совета.

– О, директор, рад вас видеть! – Сулимов бросился к одному из двух майларов у входа.

– Нахирр, директор СБ, – шепнул мне О'Кифф.

Я кивнул, разглядывая, похоже, уже немолодого главу местной «кровавой гэбни». В общем-то впечатление он производил неплохое. В строгом, без особых побрякушек мундире. С этакой аристократической осанкой. А взгляд острый, пронзительный, но какой-то уставший. Тяжела, похоже, ноша-то.

– Посол, – обозначив в ответ едва заметный кивок, Нахирр снова повернулся к своему собеседнику, возвращаясь к прерванному нашим появлением разговору.

Сулимова это явно немного покорило, но он снова разлился в елейной улыбке, как бы показывая нам, что ничего страшного не произошло. Однако, прервав разговор, к нам направился второй майлар.

– Капитан, – игнорируя посла, майлар обратился прямо к О'Киффу. – Я офицер отдела расследований СБ Праум Праэрус. Я провожу проверку по одному из специальных наблюдателей Совета Фрайсу.

Тут вмешался Нахирр:

– Проводили проверку. Расследование закрыто.

Праум, угрюмо набычившись, посмотрел на директора. Похоже, это были отголоски их разговора. Но, ничего не сказав, снова повернулся к Кернею и с мрачным ожесточением продолжил:

– Новая Земля, косвенные данные позволяют...

– Вот именно, косвенные! – грубо оборвал подчинённого Нахирр. – А имея только косвенные доказательства, мы не можем обвинять специального наблюдателя Совета. Если вы забыли, то ознакомьтесь с положением о статусе специального наблюдателя. Всё. Расследование закончено, тема закрыта. И больше здесь говорить не о чем.

Я видел, как челюсти Праума задрожали от сдерживаемого напряжения. Однако он справился с собой, вбитые с детства понятия о дисциплине сделали своё дело. Убедившись, что больше возражений от него не поступает, глава СБ добавил:

– Офицер, думаю, здесь вам делать больше нечего. Если не ошибаюсь, у вас в разработке ещё два десятка материалов, которые тоже требуют вашего внимания.

Хмуро кивнув, Праум резко развернулся, направляясь к выходу, но я успел поймать его за рукав.

– Офицер!

Он обернулся ко мне, с удивлением рассматривая. Я отпустил руку, с опозданием соображая, не нарушил ли какое-нибудь правило майларского поведения. Вдруг у них такое считается оскорблением. Однако, видя, что ничего, кроме удивления, на лице майлара не отражается, я успокоился и негромко сказал:

– Я – майор Комаров. Мне хотелось бы после заседания Совета переговорить с вами на интересующую нас тему.

После пары секунд раздумий Рраум ответил:

– Хорошо, свяжитесь со мной, когда всё закончится, – и сбросил мне свой код информера. – До связи.

Повернувшись, я поймал подозрительный взгляд Нахирра и услышал, как директор коротко буркнул:

– До свидания, – также уходя куда-то вглубь Зала Совета.

– Ну же, ну же, Совет уже ждёт, – заторопился Сулимов, хватая О'Киффа и буквально таща за собой.

Я пошёл вслед за ними, но вопрос, при чём тут какой-то специальный наблюдатель Фрайс и что за косвенные данные указывают на его причастность к нападению на колонию, никак не шёл из головы. Правильно, что перехватил этого Рраума, может, что-то полезное и узнаю...

Час, проведённый с представителями Совета, ничего толком не дал. Сначала нам выразили соболезнование по поводу неспровоцированного нападения на колонию Новая Земля, однако напомнили, что ранее Альянс предупреждали о риске освоения миров, граничащих с неразведанными секторами. Затем строго отчитали, что мы заблаговременно не сообщили о находке на планете – видимо, том самом объекте. И в итоге пообещали разобраться как следует и наказать кого попало. По крайней мере, я так это понял. И обещали, кстати, прислать этого самого специального наблюдателя.

Сулимов напоминал побитую собаку, О'Кифф в ярости сжимал кулаки, а я раздумывал о Фрайсе и о структуре специальных наблюдателей. Похоже, придётся вспоминать свой опыт опера ФСБ, слишком уж тут всё было странно.

Интерлюдия 3

ВБА «Дальний-1»

Старинов стоял в полумраке кабинета, опершись о край окна, разглядывая черноту, разлившуюся за бронестеклом. Мощные плиты брони, в случае угрозы прикрывавшие окно, сейчас нависали сверху и снизу, готовые в любой момент схлопнуться. Сзади на столе чуть светился рабочий планшет да неярко горела индикация дверной панели. А за стеклом, отделявшим контр-адмирала от пустоты вакуума, россыпью огней вольготно обосновалась основная ударная сила русского флота, без малого сто сорок вымпелов.

Ближе всего расположился самый крупный корабль флота – линкор «Союз», его километровую тушу намётанный глаз Старинова угадывал без труда, несмотря на множество огней других судов. Недавно на стапелях для русского флота был заложен второй линкор нового класса – «Новороссийск». Он обладал огромной боевой мощью: 156 корабельных орудий второго класса обеспечивали невероятную плотность огня. С введением в строй таких монстров нужно пересматривать схему построений боевых ордеров: если линкоры класса «Союз» с курсовыми орудиями первого класса действовали преимущественно из-за крейсеров первой линии, нанося точные и смертельные удары по единичной цели, за что заслуженно были поэтично прозваны «Мизери-корд», то новые линкоры, имея такую плотность бортового залпа, должны прорываться внутрь боевых порядков противника, опережая основные силы флота, разрушая вражеский строй и выдавая максимум ДПС² всем противникам в сфере действия орудий, после чего в организованный ими прорыв вбивался клин из крейсеров, довершая разгром.

² Д П С (damage per second, *англ.*) – урон в секунду.

Километрах в пятидесяти угадывались по конфигурации бортовых огней тяжёлые крейсера: несколько устаревших класса «Гангут», однако основной костяк, более семидесяти процентов, удалось сформировать из новых, класса «Грозный». С другой стороны ВБА под прикрытием её мощных орудий была организована стоянка авианосцев. Несколько не уступавших линкору размером кораблей несли в общей сложности около тысячи истребителей, перехватчиков и штурмовиков, реализуя концепцию москитного флота.

Ну и конечно же 3-я разведывательная флотилия, лелеемое и самое любимое детище контр-адмирала. Более тридцати быстроходных фрегатов, с капитанами, которым сам чёрт не брат. По уровню подготовки экипажи флотилии на голову превосходили весь остальной флот. Всё время в рейдах: слабо изученные секторы, а кое-кто и за границу изученной Галактики хаживал, стычки с пиратами, холорианцами и прочими отбросами большой галактической семьи, в которой, как известно, не без уroda. Высадки на неосвоенные планеты, разведка неопознанных сигналов. Кто-то рвался в флотилию, кто-то отрекся от назначения туда, как чёрт от ладана, не было только равнодушных. Их любили за удачливость, лихость и блеск чуть прищуренных глаз, но были и те, кто замечал седины у тридцатилетних капитанов, морщины, прорезавшие лоб, залёгшие вокруг глаз, и третий стакан, который пили не чокаясь в полном молчании. Старинов любил своих сорвиголов отцовской любовью, и они отвечали ему взаимностью, уважительно называя Батя.

Мысли контр-адмирала прервал сигнал интеркома, шедший от двери.

– Да! – отходя от окна, бросил Старинов.

В кабинет вбежал порученец. В руке старший лейтенант сжимал планшет, взволнованно протягивая его контр-адмиралу.

– Пётр Михайлович, пришла шифровка с фрегата «Эрестфер», с пометкой «воздух»!

Мгновенно сбросив расслабленное состояние, Старинов перехватил планшет, коротко скомандовал:

– Свет! – Чуть сощурился, когда полумрак кабинета сменился холодным белым светом ламп, впился глазами в текст шифровки. Через долгую минуту, показавшуюся порученцу вечностью, Старинов поднял изменившийся, ставший вдруг жёстким и колючим, взгляд. – Связь с командующим, срочно! Всем командирам 3-й флотилии, через час сбор в малом зале!

– Есть! – Старший лейтенант сорвался с места, а контр-адмирал ещё раз вчитался в сухие строчки:

«„Эрестфер”

Шифротелеграмма № 34/347 ОВ³

Расшифровано в 13.35 по корабельному времени.

Старший лейтенант отдела специальной связи Козырев А. В.

Внимание: воздух!

В скоплении Альфа Персея обнаружены следы пребывания чужих. Засечены многочисленные пробой пространства около планетарных систем. В системе Мирфак перехвачена часть кодированного радиообмена, не поддающегося расшифровке, сравнение системы шифрования с имеющимися в базе сигнатурами даёт менее одного процента соответствия по основным кодировочным ключам. Существует опасность обнаружения корабля. Продолжаю дистанционную разведку имеющимися средствами. Запрашиваю поддержку.

Капитан фрегата „Эрестфер” Чехов».

– Значит, всё-таки вторжение, – пробормотал Старинов.

³ О В – особая важность (высшая степень секретности).

Отодвинув край рукава, привычно сверился с наручным хронометром, засекая время. Оправил китель, убирая несуществующие морщинки на плотной ткани. Потянулся к фуражке, но, досадливо махнув рукой, как был, вышел из кабинета, торопясь в рубку связи. Ситуацию нужно было решать безотлагательно, а Фёдоров был ещё в пути, эскадра вышла с Новой Земли сутки назад, и ещё столько же ей оставалось идти до «Дальнего-1».

Глава 4

Сущность правоохранительных органов никогда не меняется, что в двадцатом веке, что в двадцать четвёртом, хоть у нас, хоть у разномастных нелюдей. Развитие любого общества приводит к всё большей централизации, развитию госаппарата и усилению надзорных и контролирующих функций. Это практически аксиома, и Нулевой Мир не исключение.

Когда я связался с Рраумом, мы договорились встретиться у него в кабинете. СБ занимала немалую площадь, отдел же внутренних расследований располагался в отдельном крыле. Идя мимо одинаковых дверей без табличек, только с порядковыми номерами, нанесёнными на стене справа, я ощущал стойкое дежавю, настолько это напоминало моё родное Управление, пусть и с поправкой на футуризм. Возле двери с номером 210 я остановился и, коснувшись сенсорной пластины, негромко произнёс:

– Майор Комаров.

С мелодичным звонком цвет сенсора сменился с красного на зелёный, и двери разъехались, пропуская меня внутрь. Рраум сидел за слабо мерцающим экраном и что-то быстро набирал на проекционной клавиатуре, его пальцы, узловатые, оканчивающиеся короткими, но крепкими когтями, порхали в воздухе, словно у пианиста при быстрой игре. Не отрываясь, он кивнул мне на кресло, стоящее подле. Я сел и бросил испытующий взгляд вокруг, составляя впечатление об обстановке. В лучших традициях оперской работы на всех горизонтальных поверхностях было пусто, исключая редкие, явно не относящиеся к расследованиям предметы. В углу кабинета стоял, поражая монументальностью, двухсекционный сейф. На стене слева пристроилась большая, два на полтора метра, рамка голопроектора, в настоящее время отключённая. И в общем-то всё, если не считать кресел под нами и стола с компьютером.

– Здравствуйте, Комаров.

– Добрый день, офицер.

– Можно без официоза, просто Рраум. – Это было произнесено со странными нотками усталости в голосе.

Внимательно всмотревшись, я подумал, что майлар напоминает осунувшегося и действительно усталого человека, если, конечно, можно применить к нему это определение. Что-то в таком поведении было странно и настораживающе. Однако я оставил размышления на потом, сейчас гораздо важнее получить всю имеющуюся у Рраума информацию о Фрайсе.

Пальцы майлара выписали финальный аккорд, и, отключив клавиатуру, он откинулся, закачавшись в кресле.

– Фрайс, – произнёс я ключевое слово.

Рраум резко щёлкнул челюстями и, медленно кивнув, поднялся с чуть скрипнувшего кресла.

– Пройдёмся, Комаров.

Идти пришлось далеко, куда-то на нижние уровни, и мы остановились у ограждения боковой галереи. Я проводил взглядом несколько пронёсшихся подо мной аэрокаров. Мы находились в глухом тоннеле, лишённом какой-либо иллюминации, даже редкие надписи были выполнены краской, а не голографическим способом, как повсеместно на Нулевом Мире. Галерея шла почти под самым сводом, купол смыкался в метре над головой. Серо-стальная абсолютно гладкая стена уходила на пару десятков метров вниз, шириной тоннель был метров пятнадцать. Рраум облокотился о перила и запрокинул голову, разглядывая что-то вверху.

– Знаешь, Комаров, – нарушил он тишину, – последнее время меня стало посещать странное чувство: либо у меня начала развиваться параноя, либо всё намного хуже, чем я думал. – Он замолчал, что-то обдумывая.

А меня вдруг посетила мысль, что майлары во многом похожи на людей. Может, стоящий здесь, рядом со мной, был исключением, но его эмоции я читал легко, и чувство сомнения, грызущее опера, было мне знакомо и понятно. Сведения, которые Праум собирался мне передать, явно относились к категории секретных, и стань это известно, он легко рисковал и работой, и, возможно, свободой. Он шёл на должностное преступление, и его, офицера, сподвигнуть на это могло только что-то очень серьёзное. И я знал что – предчувствие беды. Это тоже было знакомо, там, в прошлой жизни, доводилось учиться у старых оперов, чутьём, каким-то сверхъестественным нюхом улавливающих систему там, где её даже не было. И похоже, такое же чутьё проснулось и у Праума.

Наконец решившись, майлар прервал молчание:

– Всё началось с того, что пропал один из моих агентов в порту. Единственное, что он передал в своём сообщении, связавшись по экстренному каналу, что прилетел корабль со странным грузом. Позже на условленное место он не явился, на основной явке тоже следов его посещения не было, на связь больше не выходил.

– Спалился, – резюмировал я.

– Да, – хмуро кивнул Праум. – Это было несколько месяцев назад. Меня долго мучил один вопрос: почему для связи он использовал экстренный канал, а не оговоренный способ связи, что это был за такой странный груз? Я поднял списки прибывших кораблей. Не все идут на погрузку в тот же день, поэтому список был за три дня. – Майлар снова щёлкнул челюстями и посмотрел на меня. – Комаров, ты знаешь, сколько кораблей прибывают в день на Нулевой Мир? До тысячи! Ладно, я отсеял мелкие яхты и военные суда, но всё равно счёт шёл на сотни! – Праум порывисто, в возбуждении сделал несколько шагов по узкому пространству галереи. Круто развернулся. В голосе зазвучала какая-то гордость пополам с удовлетворением: – И всё же мне это удалось! – Однако, вспыхнув было, он снова помрачнел, медленно вернулся, вновь опершись о перила. Из голоса тоже пропали живые нотки, он опять стал ровный, почти механический. – Я отследил и установил характер груза всех кораблей, кроме одного. Корабля, вся информация по которому оказалась закрыта специальным наблюдателем Совета Фрайсом. Это, конечно, ни о чём не говорит, но некий «запашок» появился. Сам понимаешь, информация носила непроверенный характер, поэтому никакого документирования не велось. Даже начальнику я ничего не докладывал, потому что, только услышь он ССН⁴, всё тут же прикрыл бы.

– Нахирр? – уточнил я.

– Нет, – помотал головой майлар. – Начальник отдела расследований. Тот ещё перестраховщик. А Нахирр сам ССН недолюбливает, но против Совета не пойдёт. В общем, копал я на свой страх и риск. Задействовал ещё нескольких своих агентов и узнал интересную вещь. Одну из бандитских группировок вроде как курирует некий специальный наблюдатель. Сам понимаешь, никакой конкретики, слухи, сплетни, по пьяни да с девочками.

Я понимающе покачал головой. Была у меня когда-то одна агентесса. Индивидуалка. Иной раз от клиентов, по пьяни, в сауне или ещё где, такие сведения приносила – пальчики оближешь! Жаль, сгорела на работе – передоз.

По тоннелю пронеслось эхо движущегося аэрокара, мелькнул размытый силуэт, и снова стихло. Даже они были здесь редкими гостями.

– Выйти на эту группу стоило больших трудов, и это стало ещё одним кирпичиком в теорию об участии специального наблюдателя. Систему безопасности и конспирации организовывал явно профессионал. – Майлар выдавил некое подобие усмешки. – Это был, наверное, первый случай, когда пришлось вспомнить всё, чему учили. Даже чтобы просто определить приблизительный состав группы. Кое-как удалось подобрать кандидата на вербовку, и то

⁴ С С Н – служба специальных наблюдений.

только одного, к остальным вообще подобраться было крайне сложно. Потом была подготовка вербовки и сама вербовка. – Рраум снова изобразил подобие улыбки, но в голосе слышалась усталость. – Знаешь, думаю, эта вербовка была бы достойна занесения в учебники. Я его обставил со всех сторон по всем правилам, ему просто некуда было деваться. Секретил тоже по высшему разряду. Может, ты в курсе, что личность агента известна только оперу и его начальнику, ну и сотрудникам в учётном архиве. Так вот, даже от них его личность я скрыл, по всем учётам проводя другое лицо. Хотя сообщения в дело вкладывал от него и деньги выплачивал ему, списывая фиктивно. Хорошо ещё, у нас давно забыли, что такое контрольная встреча.

– М-да... – протянул я, на мгновение окунаясь в свои воспоминания.

Мне как-то везло. Из Москвы комиссия, было дело, в рамках проверки затребовала контрольную встречу с агентом. Благо тот был у меня образцово-показательным. У нас ведь какая самая желательная вербовка? На идеологической основе. Сейчас, конечно, называется чуток по-другому, но не суть. В общем, у меня был именно такой. На все вопросы проверяющего отвечал как надо, и о мотивах сотрудничества, и о своих возможностях и обучении. Короче, обошлось, уехали довольные.

Я вынырнул из воспоминаний, а Рраум продолжил:

– От этого агента я и получил подтверждение, что у лидера группы были контакты с Фрайсом. Через него же я вытащил и основной список боевиков группы. Забыл сказать, основной специализацией группы были заказные убийства.

Ну и иногда сопровождение некоего груза, приходящего на Нулевой Мир. Естественно, я, услышав про груз, сделал стойку. И вот тогда совершил самую большую, как оказалось, глупость. Решил всю имеющуюся на тот момент информацию озвучить начальнику и завести оперативный материал, чтобы подключить тёмных. Крайне был необходим технический контроль средств связи и наружка. А в итоге через два дня я потерял напарника, сам чудом оставшись в живых. – Слова падали всё тяжелее, наливаясь могильным холодом. Практически физическая тяжесть будто сильнее и сильнее давила на плечи майлара, сгорбливая его, заставляя тяжелее наваливаться на перила. – От агента тогда пришло последнее сообщение, что он покидает Нулевой Мир, так как весь состав группы шерстят, ища стукача, и ещё прямо указал, что убийство напарника и покушение на меня – дело рук боевиков группы. Материал завернули как неподтвердившийся. Просто плюнув на могилу моего друга. И тут пришла информация о нападении на Новую Землю, а затем прилетели вы, и я вспомнил, что по одному из агентурных сообщений Фрайс как раз готовился для какой-то операции на вашей колонии. По словам агента, вас, землян, он ненавидит страшно. К сожалению, и такие есть среди майларов. Раньше я значения этому не придавал, думал, очередная контрабанда или заказ на кого-то из ваших, землян, вот только отсутствовал Фрайс на Нулевом Мире аккурат во время событий на Новой Земле. – Рраум замолчал, бросив на меня острый взгляд. В глазах его горел огонь обречённой решимости. – А ведь экспертиза входного отверстия и раневого канала в теле моего напарника должна была проводиться, но проведена не была, вернее, эксперту было дано устное указание дать заключение, что характер ранения не позволяет определить тип применяемого оружия. Но самое интересное... – Майлар зло щёлкнул когтями. – Эксперт, кое-чем мне обязанный, рассказал, что по некоторым характерным признакам оружие он установить смог, тем более у него на руках были недавние исследования ранений таким же оружием.

– И что это за оружие?

– А вот, Комаров, ознакомься. – Резким жестом Рраум выдернул из-под одежды небольшой угловатый предмет и, не глядя, почти бросил его мне, словно ему было неприятно держать это в руке.

Пистолет. Непривычно маленький и плоский, он напомнил мне ПСС, в просторечии «Пёс». Хоть и не под человеческую руку, но в ладони лежал плотно. Хищная, даже, пожалуй,

агрессивная внешность с тёмным, словно графитовым, не отражающим и не бликующим напылением. Это было оружие не общеармейского или полицейского назначения.

Я поднял на майлара вопросительный взгляд.

– Оцени, Комаров. Ты держишь в руках новейшую майларскую разработку. Пистолет для подразделений внешней разведки. Практически не определяется ни одним типом сканеров, бесшумен, не даёт световой вспышки при выстреле. Есть только один минус: слабая пробивающая способность. Поэтому применяется по не защищённым бронёй целям. – В голосе Рраума сквозила едкая горечь. – Он не поступает на вооружение даже в СБ Нулевого Мира. Ты не в курсе, Комаров, но мой отец – генерал майларской армии, и ему было крайне интересно знать, как ко мне попал этот экземпляр, когда я обратился к нему за консультацией. Однако даже ему не удалось выяснить, как к Фрайсу попала партия засекреченного оружия. Похоже, его действия прикрывает или координирует какая-то группа в Верховном командовании на Миерисе.

Я, фигурально выражаясь, схватился за голову. Миерис – это столичный мир майлар, и, вспоминая слова Кернея о давних напряжённых отношениях с Землёй, я всё стал открывать в новом свете. Получается, действия Фрайса изначально направлялись частью майларских генералов. Некой группой, допустим, реваншистов, преследующих какие-то цели, вполне возможно, направленные и против человечества. Удар по колонии в эту схему укладывается. Значит, Фрайс, хоть и специальный наблюдатель Совета и считается лицом незаинтересованным, по сути является ставленником майларского командования. Вот только даже если Фрайс и организовывал нападение, какими силами и с помощью кого он его совершил? Пока нет ответов. И что это за линкор? Новая разработка майларов? Или новый игрок, найденный и привлечённый к нападению?

Усилием воли я заставил себя остановиться. Детальный анализ будем проводить потом. Повертев пистолет в руках, невольно оглаживая пальцем хищные обводы, я, встретившись взглядом с майларом, задал один вопрос:

– Почему?

– Почему я всё это тебе рассказываю? – уточнил Рраум.

Я кивнул. Он отвёл взгляд, ссутулившись, напряжённые пальцы когтями пробороздили перила.

– Мой напарник... – Рраум словно подбирал слова, делая долгие паузы. – Я не говорил, но... он был человеком. Нулевой Мир декларирует общие права для всех видов разумных, и в СБ есть представители почти всех. А в моей семье никогда не было ненависти к вам, несмотря на то что мой отец принимал участие во многих... конфликтах. Майлары вообще раса воинов, и мы воюем с солдатами, а геноцид, тотальное уничтожение претит нашему Кодексу. Поэтому желающих человечеству гибели, таких как Фрайс, всё же не так много. А как солдаты вы вызываете уважение. Пожалуй, да, уважение, вот что вынес мой отец из всего этого, уважение к достойному противнику. Поэтому я и согласился на напарника-человека. И после двух лет совместной работы не было у меня друга ближе его. А потом его убили. Вот этим оружием. – Рраум кивнул на пистолет в моих руках и отвернулся.

– Хочешь отомстить? – Я вытолкнул эти слова из себя не без труда, почти физически ощущая сдерживаемую майларом, стоящим напротив меня, смесь горечи, ярости и жажды мести.

– Да, – жёстко бросил Рраум.

– Я помогу. Держи, – протянул я пистолет вперёд рукоятью, возвращая опасный трофей. Но Рраум, мотнул головой:

– Оставь себе. – Похоже, сама возможность мести встряхнула его, мобилизуя. Движения стали резкими, внутри кипела сдерживаемая сила. – Пойдём со мной, Комаров. Не стоит медлить. Если предчувствия меня не обманывают, то я под колпаком, и о нашей встрече уже доложили. Хоть и не знают пока, где мы.

– Куда сейчас? – Небольшой пистолет я сунул во внутренний карман куртки, запахнул отворот, стягивая края, чтобы ткань под весом оружия не провисала.

– Есть одно место. – Не оглядываясь, майлар вернулся к небольшой двери в стене тоннеля, через которую мы проникли на галерею. Одним движением он разблокировал её. От резкого перепада давления потоком воздуха из открывавшегося створа взметнуло успевшую осесть пыль. Приглашающе махнул: – Надо кое-что взять. Дело обещает быть жарким.

Не знаю, как на Нулевом Мире могли возникнуть трущобы, но здесь, на нижних уровнях, близ основания, был целый лабиринт, полный обитателей. Дно, которое мне почему-то напомнило картинку, виденную в фильме «Разрушитель» со Сталлоне в главной роли. Такие же замордованные, одетые в обноски существа, бродяги, в основном нелюдь, я заметил даже нескольких холорианцев – наших давних противников, проводивших меня, а особенно мой флотский мундир, колючими, полными ненависти взглядами. Рраум, однако, шёл уверенно, с невозмутимым видом. В конце концов мы нырнули в узкий проход, лавируя между куч мусора, и остановились у замызанной двери, со строчкой похабных надписей, сделанных краской. От некоторых букв вниз тянулись засохшие потёки. Майлар произвёл манипуляции с дверью, после чего, внимательно осмотрев узкий коридор, шагнул в открывшийся проём. С лёгким шипением дверь за нами сомкнулась, и я с трудом сдержал возглас удивления.

То, что я увидел, походило на склад. Одежда, от гражданской до комбинезонов военного образца, несколько комплектов лёгкой брони, в одной стопке я различил даже стандартную кирасу десантных подразделений Земного Альянса и оружие...

– М-да, – прищурившись, оглядел я всё это богатство и прикинул, что тут было около двадцати экземпляров стрелкового оружия, от пистолетов до висевшей на самом видном месте снайперской винтовки. «Земная, армейская», – подумал я. Экземпляр был, правда, не новый, изрядно потёртый, и, если не ошибаюсь, на кожухе сбоку было несколько зарубок, словно винтовкой закрывались от ударов холодным оружием.

– Комаров, переодевайся, – кинул мне стопку одежды Рраум, и я развернул тёмно-синий комбинезон. – Надевай, надевай, – поторопил меня майлар, спешно натягивая нечто похожее, но только подогнанное под его фигуру.

– Оперативный гардероб? – поинтересовался я, влезая в комбез, который, на удивление, довольно неплохо на мне сидел, по крайней мере, нигде не жал.

– Угу, – промычал Рраум из-под маски респиратора, подгоняя её. Потом, сдвинув её на лоб, достал из коробки такую же и кинул мне: – Это тоже.

Маска была почти копией корабельного комплекта ИДА⁵экипажа. Быстро примерив, я кивнул, подтверждая, что всё нормально. Придирчиво оглядев меня, майлар указал на выложенный мной пистолет:

– В комбезе с внутренней стороны слева и справа есть карманы, убери туда.

– А табельный? – Стандартный пистолет десантных войск так просто никуда не денешь, это всё равно что пытаться спрятать кирпич.

Рраум сосредоточенно кивнул, ногой пододвинул ко мне коричневый кейс и сам в такой же аккуратно уложил виденную мной снайперку. Закончив с упаковкой и сунув в комбез небольшой пистолет, схожий с врученным мне, майлар накиннул на голову капюшон, маска респиратора при этом оставалась сдвинутой, краем выпирая из-под него, и повернулся ко мне.

– Это форма технической службы Нулевого Мира. Комбинезон из спецткани, холодное оружие держит надёжно, гасит удары тупыми предметами, против огнестрела, к сожалению, неэффективен. Маска неплохо защищает от отравления, может как очищать внешний воздух, так и переключаться на замкнутый цикл. Полностью заряженного кислородного элемента при

⁵ И Д А – индивидуальный дыхательный аппарат.

средней физической деятельности хватает на пятьдесят минут, при отсутствии физической деятельности – до двухсот сорока минут. При активной нагрузке, сам понимаешь, меньше.

Оценив достоинства одежды, я полностью застегнулся и по примеру Рраума натянул капюшон. Подхватив кейс и направившись к выходу, майлар полуобернулся:

– Сотрудники техслужбы – привычное зрелище для местных, почти никто не обращает внимания. Но в случае чего говорить буду я.

Рраум, сунув руку в нагрудный карман, достал тонкую пластинку, на которой высветился такой же, как и на кейсах, логотип техслужбы, после чего проявились фото с должностью. Было написано что-то вроде «старший специалист» какого-то там отдела. Показал мне, я понимающе кивнул. Хороший опер ничего не забудет.

– Начнём с координатора боевых групп, – перешёл майлар к постановке конкретной задачи. – Это своеобразная прокладка между верхушкой и пехотой, но в курсе всех планируемых действий и исполнителей. Давно мечтал взять его за яйца, только раньше оснований не хватало.

– А теперь основания появились? – криво улыбнулся я, на что Рраум страшно оскалился:

– А теперь мне на них плевать. Тех-то, кто выше, брать неудобно, они на верхних уровнях живут, там контроль не в пример жёстче, а эта сволочь живёт недалеко от складов, как, впрочем, и пехота. Это место для них как дом родной, но и нам лучше – можно хоть взрывать, никто не почешется. – Ещё раз проверив нашу амуницию, жаждущий мщения майлар хлопнул по сенсору двери: – Всё, ходу.

На уровнях ближе к складам было почище. И контингент попадался не такой забитый. Я даже сказал бы – слегка быковатый. То в одном месте, то в другом в лёгком полумраке освещения кучковались подозрительные личности. Численность варьировалась от трёх до пяти, и их шарящие взгляды исподлобья, сканирующие всё вокруг, не оставляли сомнений в намерениях. Явного огнестрела не наблюдалось, однако кастетов и намотанных на кисть руки цепей я рассмотрел. На нас, правда, мутные взгляды если и останавливались, то надолго не задерживались, форма техслужбы и впрямь не привлекала к себе большого внимания. Поравнявшись с Рраумом, я на ходу поинтересовался причиной такой неприкасаемости. Хмыкнув, майлар ответил:

– Да было дело, гробанули двоих, только спецотдел СБ тогда тут всё вверх дном перевернул. А местных смотрящих предупредили: если такое повторится, весь квартал стройными рядами пойдёт на спецпоселение в майларский сектор. Техслужба – не шутка, мы всё же находимся не на планете, а на станции. В её ведении всё управление станцией, обслуживание и поддержание в рабочем состоянии. Так что дураков нет к нам цепляться.

Несколько раз свернув – ей-богу, в этом лабиринте без навигатора легко можно потеряться, – мы вышли к нужным дверям. Я встал так, чтобы прикрыть колдовавшего у панели доступа Рраума, осматривая окрестности. Но краем глаза наблюдал, как он инструметроном ломает автоматике мозги. Интерфейс аппаратуры, применяемой майларом, довольно сильно отличался от моего, что, в общем-то, было понятно. Разные стандарты, разные производители. Да и модель явно специализированная, с функциями, отсутствующими в гражданских образцах. Инструметрон торжествующе пискнул под аккомпанемент резкого лязга мгновенно распахнувшихся створок.

– Я убедил ИИ, что в помещениях пожар, сработала аварийная автоматика, – не без гордости прокомментировал Рраум, распрямляясь.

Зайдя внутрь, лёгким мановением руки он заставил двери вновь сомкнуться. Световая сигнализация, волнами бегущая по полу, также потухла, сменяясь нормальным освещением, и я огляделся. Попали мы в коридор, вдоль которого по обеим сторонам располагались двери отдельных апартаментов, из которых начали высовываться любопытные головы. Уверенным, хорошо поставленным голосом Рраум успокоил встревоженных жителей:

– Всё в порядке. – Он продемонстрировал свою карточку. – Техслужба, плановая проверка системы пожарной сигнализации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.